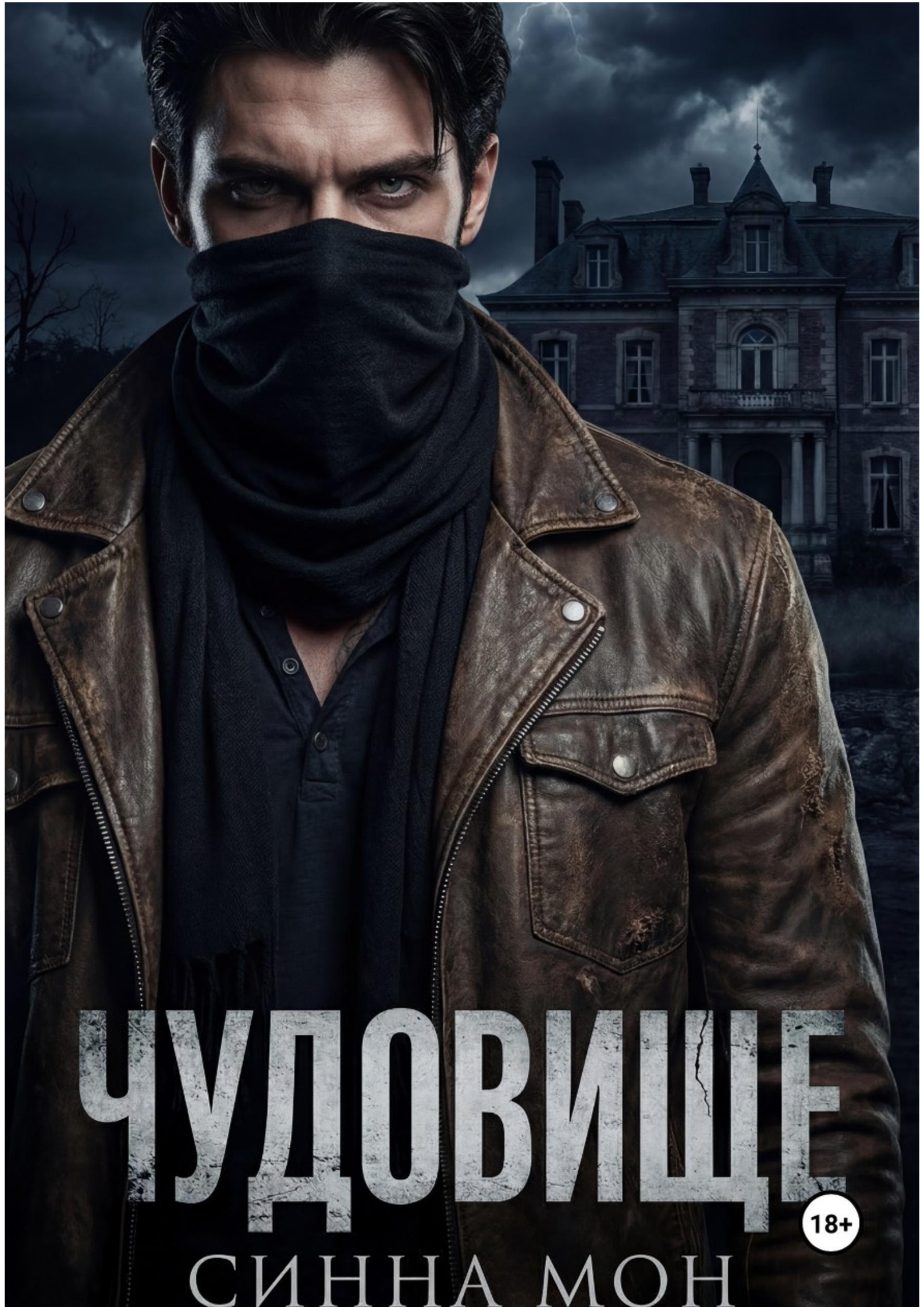

ЧУДОВИЩЕ

СИННА МОН

18+

Синна Мон

Чудовище

«Автор»

2026

Мон С.

Чудовище / С. Мон — «Автор», 2026

Он украл меня для мести. Меня похитили средь бела дня. Мой похититель — наемник в черном платке, красивый настолько, что это пугает. Мы заперты в заброшенном замке вдвоем. Враг моего отца думает, что я страдаю. А я просто пытаюсь разгадать своего похитителя. Выжить в компании мужчины, который молчит. Который смотрит сквозь меня. Который безупречно выполняет свою работу — день за днем, час за часом. Я ловлю его взгляды, когда он думает, что я сплю. Я замечаю, как он замирает, если я подхожу слишком близко. Мне кажется... или между нами что-то есть? Но он молчит. Он просто делает свое дело. Попытка противостоять притяжению провалилась в ту ночь, когда я поймала себя на мысли, что хочу, чтобы он сорвал платок. Просто для меня. И если однажды платок упадет — что я там увижу? Равнодушие исполнителя или отражение моей собственной тоски? Здесь, в каменных стенах, я с каждым днем все меньше понимаю: он меня охраняет или держит? Ненавидит или... нет. Нельзя додумывать то, чего нет.

© Мон С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	25
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	35
Глава 10	38
Глава 11	42
Глава 12	44
Глава 13	47
Глава 14	49
Глава 15	51
Глава 16	53
Глава 17	55
Глава 18	57
Глава 19	60
Глава 20	62
Глава 21	64
Глава 22	67
Глава 23	69
Глава 24	72
Глава 25	74
Глава 26	79
Глава 27	81
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Синна Мон

Чудовище

Глава 1

Был ли в вашей жизни момент, когда она казалась идеальной? Вы не осознавали этого и принимали всё как должное. У меня такой момент был. А потом... всё рухнуло.

Моя подруга Лина называет меня легкомысленной. Она считает, что у меня нет проблем, кроме выбора новой одежды и вечно заканчивающейся туши для ресниц. Но я не виновата, что не знаю другой жизни. Я единственная наследница крупнейшей консалтинговой компании, которой владеют мои родители. Кстати, мои родители — та ещё идеальная парочка. Любят друг друга как в первый день и каждый год в свою годовщину уезжают на острова, наконец давая мне вздохнуть свободно.

Я учусь в одном из лучших университетов нашей столицы, встречаюсь с завидным женихом и особенно не думаю о будущем. Да, у меня такое ощущение, будто мне принадлежит весь мир, и мне не нужно ни о чём переживать, но разве это плохо? Я не считаю себя глупой, учусь не сказать, чтобы ужасно, не пропускаю пары и не кичусь богатством родителей. Да, меня порой раздражает их чрезмерная опека и мой водитель (он же телохранитель) Дэн, которого они приставили ко мне как верного пса — не отходит ни на шаг. Но в целом я примерная дочь и не доставляю лишних хлопот.

Заставляет меня думать обо всём этом моя подруга Лина, которая вечно опаздывает и постоянно ноет: мол, будь у неё водитель, она бы тоже не опаздывала. Пока я жду её в нашем любимом кафе, где мы всегда сидим после пар, у меня как раз и находится время подумать. Лина говорит, что размышлять полезно. Всегда найдёт себе оправдание. Та ещё заноза в моей жизни.

Вот и сегодня я сижу в кафе и жду её уже сорок минут. Надо сказать, день сегодня выдался идеальный, по-настоящему весенний. Я сижу на веранде. Весна только началась, а впереди лето, которое я очень жду. Мы с моим женихом впервые поедем отдыхать вместе. До сих пор родители были против. Я уже говорила, что их опека порой сильно утомляет? Месяц назад мне исполнился двадцать один, и единственное, о чём я попросила, — отпустить меня за границу одну. Моя мечта — много путешествовать без нянек и сопровождающих. Я уже достаточно взрослая, пусть не вполне самодостаточная, но и к этому собираюсь прийти. Но, конечно, это было слишком для них, и они согласились только при условии, что я поеду с Алексом.

Алекс — сын партнёров моих родителей. Они ведут несколько совместных проектов, дружат с молодости, и я не помню жизни без Алекса. Лина говорит, что это не любовь, а привычка. Возможно, но меня всё устраивает. К тому же мне не с кем сравнивать: в моей жизни был только Алекс, и никто не мог подойти ко мне ближе, чем на метр. Либо Алекс, либо Дэн рядом — таково условие моих родителей.

Меня ждёт по-настоящему идеальный месяц. Мои родители, как я уже говорила, до сих пор без ума друг от друга, и каждый год на свою годовщину они улетают путешествовать, а я целый месяц почти свободна (не считая душного Дэна). Но сегодня случилось немыслимое: Дэну пришлось срочно уехать за город к своим родителям. Ему позвонили и сообщили, что его матери стало плохо, и он наспех уехал. Он просил дождаться его и никуда не уезжать без него, тем более на такси. Разве можно воспользоваться такси? Ни в коем случае! Теперь вы понимаете уровень опеки моих родителей? Я понимаю, я их единственное сокровище, но мне всё больше хочется вырваться из этой клетки. Так что перспектива выйти замуж через год за

Алекса мне кажется не такой уж ужасной. Он хотя бы не такой контролирующий, хоть и жутко ревнивый.

В общем, свой идеальный месяц без родителей я думаю начать с подруги, продолжить в торговом центре и купить кучу одежды, которую надену всего один раз, а после мы будем кататься с Алексом по ночному городу, целоваться до утра в машине и встречать рассвет. Под утро я тихо проберусь домой, на меня осуждающе посмотрит охрана дома, горничные и Дэн, потому что телефон я отключу, сказав, что буду с Алексом.

Лины нет уже пятьдесят минут. Я допила свой латте с корицей и уже начинаю скучать. Не выдержав, набираю номер подруги:

— Ты сегодня побила свой рекорд, подруга. Ты где?

— Прости, Анж. Я застряла в пробке. Может, встретимся в торговом центре?

— М-м-м... ну, хорошо. Только я сегодня без Дэна.

— Правда? Такое бывает? Сегодня снег пойдёт? — я услышала, как она ухмыльнулась.

— И не говори, сама в шоке. Тогда я сяду в такси. Встречаемся в нашем месте.

— Такси? Ты серьёзно? — Лина засмеялась в голос. — Ты и такси. Я хочу на это посмотреть. Может, увидим дни, как ты едешь в автобусе? Устроить тебе экскурсию?

— Напомни, почему я с тобой дружу? Ты просто ужасная подруга. — я улыбнулась. Люблю её за то, что говорит, что думает, и не боится меня обидеть, как это делают все остальные.

— Нет-нет, я лучшая. Я тоже тебя люблю, дорогая. Давай, чао. Увидимся через полчаса. У меня, кстати, есть шикарная новость.

— Ты всегда так делаешь! Зачем говорить заранее, если не собираешься говорить сразу?

— Привыкай, детка, не всё всегда получается сразу и без усилий.

— Устала слушать твои поучения. Пока-пока.

Ну, она и заноза. Мы дружим с первого курса, и многие не понимают, на чём мы сошлись. Но она как свежий глоток воздуха в этой духоте. Очень прямолинейная, простая и весёлая. В моей жизни, в которой всё идеально, запланировано и контролируемо, она помогает мне выжить.

Я расплачиваюсь за кофе и иду к стоянке университета, где всегда стоят свободные такси. Сегодня на удивление нет ни одной жёлтой машины. Странно. Я оглядываюсь по сторонам и уже думаю зайти в приложение и заказать Uber, как буквально в метре от меня останавливается такси. О, удача!

Я пытаюсь сесть на заднее сиденье, думая о том, что зря надела эту узкую юбку до колен. Как же неудобно садиться в низкое такси! Непривычно после высокого внедорожника Дэна. Полностью увлечённая процессом, я не смотрю на водителя и даже не здороваюсь с ним — очень невежливо получилось. Приходится приподнять юбку выше, чтобы суметь забраться в такси. Я захлопываю дверь, неловко поправляю юбку и наконец решаюсь поздороваться с водителем:

— Добрый день! До торгового центра «Моррос».

Водитель молчит. Странно. Может, они все такие? Я думала, это я невежливая. Отворачиваюсь к окну и разглядываю красивый город: на деревьях начинают появляться листья, где-то ещё не опали цветы.

— Погода прекрасная сегодня, — решаюсь заговорить снова. Не знаю, зачем. Наверное, от скуки или мне не хватает просто общения с людьми.

Он молчит. Начинаю разглядывать его. Мужчина выглядит мрачно. Рука на руле напряжена. На нём коричневая потёртая куртка и чёрные джинсы. Поднимаю голову, чтобы взглянуть на лицо, но вижу только глаза. Серые или голубые — точно не разобрать. Взгляд жёсткий, между бровей образовалась складка. Спускаюсь ниже и понимаю, что половину лица прикрывает чёрный шарф. Видны только глаза. Как-то странно. У него аллергия? Он чем-то болен?

Очень загадочный тип.

Решаю больше не разговаривать. В конце концов, до торгового центра двадцать минут езды. Могу посидеть и в тишине.

Минут через десять машина сворачивает на трассу. Я не понимаю. Торговый центр находится в центре города, нам не нужна трасса.

— Кажется, вы повернули не в том направлении. Мне нужно в торговый центр «Моррос».

Опять молчание. Я не понимаю, что происходит. Хочу задать ещё какой-то вопрос, но не успеваю, потому что в этот момент двери такси с щелчком блокируются — и все мои вопросы в эту секунду отпадают.

Глава 2

Я дернула ручку раз, другой — бесполезно. Пластик предательски скользил под пальцами.

— Эй! — мой голос прозвучал пискляво. — Откройте, пожалуйста. Вы, наверное, не поняли. Мне в торговый центр. «Моррос». Это в центре. А это, — я обвела рукой мелькающие за окном деревья, — явно не центр.

Водитель молчал. Его руки на руле выглядели напряженными, но он даже не повернул головы. Половина лица скрыта черным шарфом, видны только глаза. Серые. Или голубые. Или мне сейчас вообще всё равно, какого они цвета.

— Слушайте, — я подалась вперед, — я очень богатая девушка. Мои родители заплатят любые деньги. Ну, в разумных пределах, конечно, — поправила я, вспомнив, как отец учил торговаться на любых переговорах. — Давайте так: вы меня отпускаете, я звоню папе, и он переводит вам... ну... десять тысяч евро? Это же отличные деньги за такую короткую поездку.

Тишина. Только шуршание шин по асфальту и мое собственное сбитое дыхание.

— Двадцать, — повысила я ставку. — Двадцать тысяч евро. Это же целая машина! Ну, почти. Вы сможете купить новую, если эта вам надоела. Или шарф покрасивее. Простите, это было грубо. Я не о том. Просто...

Машина резко свернула направо, и мой живот ухнул вниз. Торговый центр остался где-то далеко позади, а мы, судя по всему, удалялись загород. Как же жаль, что я так и не научилась водить — папа всегда говорил: «Зачем тебе? У тебя есть Дэн». Да, Дэн. Который сейчас у матери, а я здесь, в такси с молчаливым типом в шарфе, и понятия не имею, где мы находимся.

Я даже не понимала, в каком направлении от города мы движемся. Север, юг, запад — для меня это были просто слова из учебника географии, который я пролистала на первом курсе и благополучно забыла. Город я знала только по маршруту «дом — университет — кафе — торговый центр». Всё, что за пределами этого квадрата, существовало для меня примерно на уровне мифической страны под названием «там, куда уезжает Дэн по выходным».

Я попыталась запомнить повороты, но после третьего поняла, что это безнадежно. Дорога петляла, деревья за окном сливались в одно серо-зеленое пятно, а в голове была только одна внятная мысль: «Лина меня убьет. Если, конечно, я выживу. Она будет орать на моих похоронах: “Я же говорила тебе, не садись в случайные такси!” И будет права. В который раз».

Я вздохнула и откинулась на спинку сиденья, чувствуя, как паника медленно, но верно начинает вытеснять всякую надежду на то, что это просто очень творческий способ сократить путь.

— Слушайте, это не смешно! — голос сорвался на фальцет. — Я серьезно! Вы знаете, кто мой отец? Серхио Белинский. «Белинский Консалтинг». Вы слышали о такой компании? Наверняка слышали. Все о ней слышали. Так вот, если со мной что-то случится, он вас... ну, вы сами понимаете. Он найдет. У него связи. И Дэн найдет. Дэн — это мой водитель. Он, кстати, здоровенный тип с красным поясом по дзюдо и очень злым лицом.

Мои слова повисли в воздухе, не встретив никакой реакции. Водитель даже не моргнул. Я вцепилась в сумку, нащупала телефон, но вытащить не решилась. Вдруг он заметит? Вдруг это его спровоцирует?

— Ладно, — сказала я, стараясь придать голосу твердости. — Давайте по-другому. Чего вы хотите? Деньги? Я уже предложила. Может, вы хотите встретиться с моим отцом? Организовать встречу? Может вам нужна хорошая работа? Связи? Мой отец — очень занятой человек, но ради меня... ну, может, и найдет время. Хотя он сейчас в отпуске, но я уверена...

Машина набрала скорость. За окном мелькали столбы, деревья, серые здания пригорода. Я не узнавала дорогу.

— Я сейчас заплачу, — предупредила я. — Серьезно. Я очень громко плачу. И очень противно. Вы же не хотите провести всю дорогу с рыдающей девушкой в салоне? Это же некомфортно. И вообще, если вы на самом деле водитель такси, у вас, наверное, рейтинг в приложении упадет. Я поставлю вам одну звезду. Черт, я когда неврничая начинаю нести ерунду. Какой еще водитель такси?!

Он свернул на проселочную дорогу. Дома кончились, за окном потянулись поля, потом лес. Паника накрыла меня с головой, и я вдруг начала говорить то, о чем минуту назад даже не думала:

— Знаете, а я ведь сегодня без Дэна. Впервые за... я даже не помню сколько. И подруга опоздала. Всегда, ну почему она вечно опаздывает? Вот если бы она не опаздывала, я бы не села в это такси. И вообще, я хотела заказать Uber, но машины стояли у университета, и я подумала: «Какая удача!». Удача, да. Удача с большой буквы.

Голос дрожал. Я сцепила пальцы так сильно, что побелели костяшки.

— Послушайте, — я попробовала в последний раз. — Я могу позвонить своему жениху. Он придет, поговорит с вами. Алекс, может, и вспыльчивый, но он умеет договариваться. Или... или я сейчас отдам вам всё, что есть в сумке. Там новый айфон, между прочим, и кредитка без лимита. Берите. Правда, без ПИН-кода она бесполезна, но ПИН-код я могу сказать. Если вы меня отпустите. Честное слово.

Рука сама потянулась к замку сумки, но я почему-то остановилась. Мне вдруг показалось, что это глупая идея и он точно не согласится, но что ему нужно? Мне нужен план.

— Молчите, да? — я откинулась на спинку сиденья и почувствовала, как истерика перетекает в странное, почти пьяное оцепенение. — Ну и молчите. Я тоже могу молчать. Я вообще мастер молчать. Меня Лина называет королевой пассивной агрессии. Хотите, продемонстрирую?

Я замолчала и уставилась в окно. Прошла минута. Две. Пять. Тишина стала невыносимой. Я не выдержала первой:

— Это невозможно! Вы хоть имя свое можете сказать? Или мне вас называть «Таинственный Молчун»? Очень по-испански звучит. El Silencioso. Мы могли бы продавать права на экранизацию. «Девушка и таинственный таксист». Фильм ужасов, наверное. Или мелодрама? Сейчас посмотрим, чем всё закончится, тогда и определимся с жанром.

Я нервно рассмеялась. Смех получился какой-то не свой. Водитель бросил взгляд в зеркало заднего вида. Мне показалось, или в его глазах мелькнуло что-то похожее на раздражение?

— О, вы смотрите! — обрадовалась я. — Значит, вы всё-таки живой. А то я уже начала сомневаться. Может, вы робот? Или призрак? Такси-призрак? Я слышала такие истории. Сейчас ночь, мы едем по лесу, а потом вы исчезаете, а я остаюсь одна посреди... хотя сейчас день. И это не лес. И мы не в фильме ужасов. Я просто еду непонятно куда с молчаливым мужчиной в шарфе. Ничего особенного. Совершенно нормальный вторник.

Я снова рассмеялась. И вдруг поняла, что смеюсь не потому, что мне весело, а потому, что если я остановлюсь — разревусь. Разревусь так, что меня будет не остановить. А плакать перед этим молчаливым типом — последнее дело. Не знаю почему, но мне казалось, что слезы станут моим поражением.

— Знаете, что, — я выпрямилась на сиденье и поправила юбку, которая задралась выше колена. — Я передумала бояться. В конце концов, я наследница многомиллионной компании. Я умею вести переговоры. Правда, обычно мы обсуждаем контракты на поставку оборудования, а не условия моего освобождения, но принцип тот же. Так что давайте: называйте вашу цену. Только быстро, у меня через полчаса встреча с подругой, и она, если я опоздаю, будет надо мной смеяться до конца жизни. А я этого не переживу. Seriously. Лучше похищение, чем насмешки Лины. Вы даже не представляете, какой она может быть язвительной.

Я замолчала, ожидая реакции. Ничего. Тишина. Только шум мотора и мои собственные мысли, которые метались в голове, как испуганные бабочки.

— Понятно, хотя нет ничего не понятно, — констатировала я. — Но раз вы решили молчать, я тоже умею молчать. Вот увидите.

Я скрестила руки на груди, демонстративно отвернулась к окну и приготовилась к длительному молчанию. Молчание длилось ровно сорок семь секунд. Я считала.

— Куда мы едем? — спросила я, снова нарушив тишину. — Ну, правда. Мне же интересно. Если вы собираетесь меня убить, скажите сразу, чтобы я успела попрощаться с близкими мысленно. Если хотите выкуп — назовите сумму. Если вам просто скучно, и вы решили показать девушку по загородным трассам, чтобы поднять себе настроение, — я могу предложить более интересный маршрут. Лина рассказывала об одном местечке с видом на озеро. Очень романтично. Только Алексу не говорите, а то он приревнует.

Я снова попыталась заглянуть в лицо водителя, но шарф скрывал всё, кроме глаз. И эти глаза смотрели на дорогу с таким видом, будто меня не существовало.

— Ладно, — вздохнула я, откидываясь на спинку. — Играем в молчанку. Я готова. Я вообще очень терпеливая. Меня Лина называет... хотя что она там называет, неважно. Суть в том, что я могу ждать. Я каждый день жду, пока она опоздает на сорок минут. Это вырабатывает характер. И терпение. И чувство юмора. Потому что если не смеяться, то хочется плакать. А плакать, как я уже говорила, я сегодня не планировала. У меня тушь новая. Водостойкая, конечно, но всё равно. Не хочется портить макияж.

Я вытащила из сумки зеркальце и демонстративно поправила ресницы. Водитель бросил еще один взгляд в зеркало. Кажется, теперь в его глазах точно было раздражение.

— Что? — спросила я невинным голосом. — Я же не могу ехать в торговый центр с размазанной тушью. Это было бы неприлично. Даже если этот торговый центр мы, судя по всему, никогда не увидим.

Машина еще раз свернула. Я перестала считать повороты, перестала запоминать дорогу — всё равно уже не имело значения. Мы ехали около полудня, когда я заметила впереди заправку. Обычная придорожная заправка с желтой вывеской и парой грузовиков на стоянке.

Я почему-то обрадовалась. Заправка — это люди. Это возможность. Я уже открыла рот, чтобы сказать что-нибудь про бензин и перекур, как водитель внезапно нажал на тормоз.

Так резко, что меня бросило вперед. Сумка полетела на пол, зеркальце выскользнуло из рук и с тихим звоном разбилось где-то под ногами. Я не успела даже вскрикнуть — только выдохнула, больно ударившись головой о переднее сиденье.

— Вы с ума сошли? — выдохнула я, пытаясь отдышаться. — Я же могла...

Я не договорила. Потому что в следующую секунду обе задние двери распахнулись одновременно.

Я дернулась в сторону, но не успела даже повернуть головы. Кто-то тяжелый и быстрый скользнул на сиденье рядом со мной. Я почувствовала запах кожи и табака, почувствовала, как сиденье прогнулось под весом чужого тела. В ту же секунду передняя пассажирская дверь открылась, и еще один мужчина — такой же крупный, в черном — занял место рядом с водителем.

Я пыталась разглядеть их лица, но всё происходило слишком быстро. Мои глаза не успевали фокусироваться. Тени. Темная одежда. Быстрые движения.

— Что вы... — начала я, и в тот же миг чья-то рука легла мне на затылок. Пальцы были жесткими, холодными, пахло чем-то химическим, резким.

Я попыталась вывернуться, но меня держали крепко. Перед глазами мелькнул белый платок — квадратный, сложенный треугольником. Я задергалась, забилась, но вторая рука прижала меня к спинке сиденья, не давая пошевелиться.

— Что это... — прохрипела я, чувствуя, как платок закрывает рот, нос, врезается в щеки.

Воздух исчез. Вернее, обычный воздух исчез, а вместо него пришло что-то сладкое, приторное, обволакивающее. Легкие обожгло. Голова стала тяжелой, будто налилась свинцом.

Я еще успела подумать, что это ужасно несправедливо — я только что хвасталась своей новой тушью, а теперь буду лежать в отключке с разбитым зеркальцем под ногами и, наверное, с потеками под глазами. Лина будет смеяться. Если я, конечно, выживу.

Я хотела рассмеяться, но губы не слушались. Мужчина рядом со мной что-то сказал — короткое, резкое. Я не разобрала слов. Звуки поплыли, расплылись, как краски на мокрой бумаге.

Водитель повернул голову. Я видела его глаза — те самые, серые или голубые, — и мне показалось, что в них мелькнуло что-то новое. То ли сомнение, то ли... я не успела понять.

Пальцы разжались, и я почувствовала, как падаю. Не на пол — меня подхватили, уложили на сиденье, подсунули что-то под голову. Заботливые похитители, мелькнула последняя мысль.

А потом всё исчезло.

Тьма пришла не сразу — она подкралась с краев, как сумерки, которые сгущаются постепенно, пока не проглатывают тебя целиком. Я еще слышала голоса, еще чувствовала, как машина снова трогается с места, как под колесами шуршит гравий заправки, а потом — ровный гул трассы.

Но я уже не могла открыть глаза. И уже не могла улыбнуться собственной шутке, которая так и осталась невысказанной.

Последним, что я осознала, был запах — приятный и чужой, — и где-то далеко, на границе провала, чей-то голос, сказавший:

— Проверьте. Она нам нужна целой.

А потом — ничего.

Глава 3

Сознание возвращалось медленно. Сначала я почувствовала холод — липкий и пронизывающий, который забирался под одежду и заставлял кожу покрываться мурашками. Потом — запах. Сырая пыль, старое дерево и что-то неуловимо чужое. И только после этого — темнота.

Я открыла глаза и ничего не увидела.

Абсолютная, беспросветная тьма. Такая густая, что казалось, её можно резать ножом. Я заморгала, потом протёрла глаза, потом зажмурилась и снова открыла — без толку.

Темнота никуда не исчезала.

Сердце пропустило удар, а затем забилося где-то в горле. Я ненавидела темноту. Нет, не так — боялась её. По-детски, по-глупому, до дрожи в коленях. Ещё с тех пор, как в пять лет на ночь глядя посмотрела фильм про привидения, который няня включила по ошибке. С тех пор я спала только с ночником. Даже в двадцать один год.

— Ну и отлично, — сказала я в темноту. Голос прозвучал сипло. — Просто замечательно. Я в темноте. В полной. В каком-то, судя по запаху, подвале.

Я пошевелилась и поняла, что лежу на чем-то жестком. Пол? Нет, слишком ровно для пола. Кровать. Я потрогала изголовье — массивное, кажется, из чистого дерева, с тонким матрасом и подушкой, которая пахла сыростью и, кажется, мышами.

— Очень гостеприимно, — прокомментировала я, садясь. Голова закружилась, и я схватилась за край кровати, чтобы не упасть. — Четыре звезды за атмосферу. Минус за отсутствие света и непонятный запах. И где, интересно, кнопка вызова горничной?

Я ощупала пространство вокруг себя. Кровать, стена — холодная, каменная, с неровной штукатуркой.

— Выключатель, — пробормотала я, поднимаясь на ноги. Пол подо мной скрипнул — деревянный, доски, а не камень. Значит, не подвал. Или подвал с деревянным полом? Я в этом не разбираюсь.

Я вытянула руки вперед, как слепая, и сделала шаг. Второй. Третий. Пальцы коснулись стены, и я принялась шарить по ней в поисках выключателя. Ничего. Гладкая холодная поверхность, потом что-то похожее на раму — окно? Я нащупала стекло, прижалась к нему лицом. За ним была та же тьма, что и внутри. Или ставни, или просто ночь без единого фонаря.

— Классика, — вздохнула я. — Похищение, заброшенный дом, отсутствие электричества. Прямо как в дешевых триллерах, которые мы с Линой смотрели на первом курсе. Только тогда было смешно. Сейчас — не очень.

Я продолжила исследовать комнату. Нашла стул, потом стол, потом дверь. Дверь была массивной, деревянной, с тяжелой ручкой, которая не поддавалась, когда я дернула её. Заперто. Разумеется, заперто.

— Могли бы хотя бы ночник оставить, — сказала я громче, чем требовалось. — Или свечу. Или спички. Или айфон. Айфон был бы идеально. Я бы даже позволила похитителям сделать селфи на память.

Тишина. Только где-то далеко скрипнула половица, и я замерла, прислушиваясь. Сердце колотилось где-то у горла, но я заставила себя дышать ровно.

— Эй! — крикнула я в темноту. — Есть кто живой?

Никто не ответил. Я постояла ещё минуту, прислушиваясь, потом вернулась на кровать, нащупала подушку и прижала её к груди, как щит.

— Ладно, — сказала я себе. — Ничего страшного. Я в комнате. Запертой, да. Темной, да. Но в комнате. С кроватью. И, кажется, без крыс. Это уже победа.

Я забралась на кровать с ногами, подтянула колени к подбородку и обхватила их руками. В темноте было холодно. И страшно. Но я решила, что плакать не буду. Тушь, опять же. Водостойкая, но неизвестно, сколько я здесь пролежу.

— Дэн меня найдёт, — прошептала я в колени. — Дэн найдёт, настучит по голове этому молчаливому типу в шарфе и отвезёт домой. И я закажу пиццу. Самую большую. И буду есть её, смотря сериалы, потому что после такого стресса можно всё.

Я не знала, сколько прошло времени. Может, час. Может, три. В полной темноте время теряло смысл. Я то проваливалась в дремоту, то просыпалась от собственного вздрагивания, когда какой-нибудь звук — скрип, шорох, завывание ветра — напоминал, что я не одна в этом доме.

А потом дверь открылась.

Я не услышала щелчка замка — только скрип петель, протяжный, как стон. Свет из коридора ударил в глаза, и я зажмурилась, отворачиваясь. Когда я снова смогла смотреть, увидела только силуэт — высокий, широкий в плечах, замерший на пороге.

Тот самый. Водитель. Я узнала бы эту фигуру где угодно. И этот шарф, который он так и не снял.

— О, — выдохнула я, и голос прозвучал бодрее, чем я себя чувствовала. — А я уж думала, вы меня бросили. А вы, оказывается, вернулись.

Он молчал. Стоял в дверном проёме, подсвеченный тусклым светом, и не двигался. Я не видела его лица — только тень, отбрасываемую шарфом, и глаза, которые смотрели на меня из темноты.

— Знаете, — продолжила я, чувствуя, как страх путается с нелепым, почти пьяным весельем, — я, конечно, благодарна за то, что вы меня не бросили в каком-нибудь подвале без кровати. Но есть пара пожеланий. Во-первых, свет. Я понимаю: вы, возможно, экономный. Но я готова оплатить электричество. Даже с авансом. Во-вторых, сейчас весна, но здесь холодно. Здесь нет отопления? Что это за место? Мне нужен одеяло или хотя бы плед. Я, конечно, понимаю: я пленница и всё такое, но, если я заболела, сами понимаете... у вас будут проблемы. И, в-третьих, — сделала паузу, — вы не могли бы отдать мою сумму? В ней моя косметичка. Я бы хотела принять душ и освежить макияж. А, и ещё: у вас нигде не найдётся более подходящей одежды для пленницы? В этой юбке и тонкой блузке очень неудобно.

Молчание. Он даже не шелохнулся. Я вдруг поняла, что боюсь приближаться к нему. Не потому, что он может причинить мне боль — хотя это тоже — а потому, что он стоит там, на границе света и тьмы, и я не знаю, что у него в голове. Не знаю, чего ждать. Не знаю, человек ли он вообще.

— Ладно, — сказала я, когда тишина стала невыносимой. — Можете не отвечать. Я выкла.

Он шагнул в комнату, и я инстинктивно отодвинулась к стене. Сердце снова забилося где-то в горле. Он подошёл к столу — я услышала, как что-то поставили на деревянную поверхность. Звякнуло стекло. Потом ещё что-то — тяжелое, с глухим стуком.

— Это что? — спросила я, хотя и так поняла. — Еда? Вода? Вы меня кормить пришли? Как заботливо. Может, и о вкусовых предпочтениях спросите? Что у нас сегодня в меню?

Он не ответил. Развернулся и направился к двери. Я видела его спину — широкую, напряжённую, в той самой коричневой куртке, которая была на нём в такси. Он был так близко. Метра три. Может, два.

— Подождите! — выкрикнула я, и он замер на пороге. — Вы... скажите, зачем я здесь. Ну, правда. Я устала гадать. Если это выкуп — назовите сумму. Если это месть — скажите, кому и за что я должна извиниться. Я извинюсь. Или... это из-за отца? Скажите, если так — я могла бы поговорить с ним или... — я запнулась, вдруг поняла, что нет смысла продолжать.

Он стоял, не оборачиваясь. Свет из коридора обрисовывал его силуэт, и я вдруг заметила, как неестественно замерла его рука на дверной ручке. Словно он колебался.

— Ну пожалуйста, — голос дрогнул, и я ненавидела себя за эту дрожь. — Скажите хоть что-нибудь. Я не могу... я не понимаю, что происходит. И я боюсь темноты. По-настоящему боюсь. И это не шутка. И не попытка вызвать жалость. Я правда боюсь.

Тишина. А потом — шаги. Он ушёл. Дверь закрылась, щёлкнул замок, и темнота вернулась.

Я сидела, обхватив колени, и чувствовала, как по щеке катится слеза. Быстро вытерла её, разозлившись на себя.

— Молодец, Анж, — сказала я в пустоту. — Разжалобила. Очень эффективно. Он, наверное, сейчас бежит в слезах и требует тебя отпустить. Ага. Как же.

Я легла, подтянула ноги к коленям, и уставилась в темноту. Мысли путались. Я представляла, как Дэн врывается в этот дом, как отец платит выкуп, как мать кричит на него за то, что он не уберёт. Представляла, как Лина говорит: «Я же говорила, не садись в случайные такси». Она действительно говорила. Тысячу раз. Я не слушала.

— Я больше никогда не сяду в такси, — пообещала я вслух. — Никогда. Даже если Дэн будет в отъезде. Даже если Лина опоздает на три часа. Даже если на улице будет потоп. Я лучше пойду пешком. Через весь город. В туфлях на каблуках. По сугробам.

Я не заметила, как уснула. А когда проснулась — снова от скрипа двери. За окном было серо. Рассвет, наверное. Сквозь щели в ставнях пробивался мутный свет, и я впервые увидела комнату.

Старинная. Огромная. С высоким потолком, на котором угадывалась лепнина, с обоями, которые когда-то были бордовыми, а теперь висели лохмотьями, с камином, заложённым кирпичом. И окно. Высокое, арочное, с тяжёлыми ставнями, которое я не смогла бы открыть даже с разбегу.

Я подошла к нему, выглянула в щель. Внизу земля. Далеко. Очень далеко. Я прикинула высоту — второй, а может, третий этаж. Прыгать — сломаешь ноги. Или шею. Я рассматривала этот вариант ровно секунду, пока не вспомнила, как Лина рассказывала про девушку, которая сбежала из плена через окно и осталась инвалидом.

— Нет, — сказала я, отступая от окна. — Я не героиня боевика. Я наследница консалтинговой компании. Моё оружие — переговоры и кредитная карта. И чувство юмора. Хотя последнее сейчас хромает.

Я оглядела комнату. В углу справа ещё одна дверь. В темноте я её не заметила. Я подошла к двери, дерзнула за ручку — она не заперта. Это была ванная комната. Я умылась ледяной водой, вытерлась подолом собственной блузки и почувствовала себя чуть лучше. Ну, или чуть менее ужасно.

На столе, куда он поставил еду в прошлый раз, теперь стоял новый поднос. Я подошла и рассмотрела содержимое: тарелка с кашей, кусок хлеба, кружка с чаем, остывшим. И бутылка воды.

— Каша, — прокомментировала я. — На завтрак. Как в санатории. Или в тюрьме. Хотя в тюрьме, наверное, кормят лучше. Или хуже? Я не в курсе.

Я постояла, глядя на еду. Желудок предательски заурчал. Я не ела со вчерашнего латте, и, кажется, прошла уже целая вечность.

— Нет, — сказала я громко и решительно. — Не буду.

Я отошла от стола, села на кровать и скрестила руки на груди.

— Не буду есть вашу кашу. Мало ли, что туда подсыпали.

Я замолчала, прислушиваясь. Никто не ответил. Никто не появился на пороге. Я продолжала, уже громче, будто обращаясь к стенам:

— И вообще, не буду есть, пока вы не объясните, что происходит. Я могу долго не есть. Раз в жизни сидела на диете целых три дня. Правда, потом съела торт целиком и пожалела, но суть не в этом. Я могу голодать. Я упрямая.

Я легла на кровать, положила руки под голову и уставилась в потолок.

— Можете нести мне еду хоть три раза в день, — сказала я в пространство. — Я не приронусь. Посмотрим, как вам это понравится. Может, вы пожалеете бедную голодную девушку и выпустите её. Или хотя бы переведёте в номер люкс. С телевизором и джакузи. И с ночником. Ночник обязателен.

Прошел час. Или два. Я лежала, слушала, как скрипит дом, как где-то далеко хлопает дверь, как ветер гуляет в трубе камина. Желудок урчал всё настойчивее, но я держалась.

— Я не сдамся, — шептала я. — Я Анжелика Белинская. Я наследница многомиллионной компании. Я пережила четыре ужина с потенциальными инвесторами, каждый из которых длился по три часа. Я могу продержаться без еды. Это легче, чем улыбаться сеньору Гарсии, который рассказывал про свою коллекцию кактусов.

К обеду — потому что свет за окном стал ярче — дверь снова скрипнула. Я не вскочила, не бросилась к порогу. Я лежала на кровати, скрестив руки на груди, и смотрела в потолок.

Он вошёл. Такой же молчаливый, такой же закутанный в шарф. Поставил новый поднос на стол, убрал старый. Я покосилась на еду. Пахло чем-то съедобным, и слюна мгновенно набежала в рот.

— Я не буду есть, — сказала я, глядя в потолок. — Можете не стараться. Я объявляю голодовку. В знак протеста против незаконного лишения свободы, отсутствия света и неадекватного поведения похитителя.

Он не ответил. Я слышала, как он двигается по комнате — тихо, почти бесшумно. Поправил что-то на столе. Потом шаги приблизились, и я почувствовала, что он стоит рядом. Положил что-то на кровать. Одеяло? Не уходит, стоит и смотрит.

— Вы меня слышите? — спросила я, не поворачивая головы. — Я не буду есть, если вы не объясните, что происходит. Если не скажете, кто вы. Если не включите свет. Или хотя бы не дадите свечку. Или спички. Я готова на спички. Я могу жечь их по одной и представлять, что я дома.

Тишина.

— Знаете, — продолжила я, всё так же глядя в потолок, — я, вообще-то, очень даже ничего. У меня есть жених, друзья, родители, которые меня обожают. У меня есть деньги, связи, возможности. Если вы меня отпустите, я сделаю так, что вы не пострадаете. Я даже не скажу отцу, как вы выглядите. Скажу, что была без сознания и ничего не помню. Честное слово. Я умею лгать. Не очень хорошо, но ради такого случая научусь.

Он стоял молча. Я чувствовала его присутствие — тяжёлое, давящее. И вдруг что-то во мне щелкнуло.

Я резко села, схватила его за запястье.

Глава 4

Пальцы сомкнулись. Я не успела ничего понять — он вырвал руку.

Мгновенно. Резко. С такой силой, что я отлетела назад и ударилась спиной о стену.

— Ай! — вырвалось у меня.

Он стоял, глядя на меня.

— Вы хоть понимаете, что делаете? — спросила я, и голос вдруг стал твердым. — Я не просто девушка из такси. Я Анжелика Белинская. Мой отец — Серхио Белинский. У него связи в полиции, в прокуратуре, в правительстве. У него есть люди, которые найдут меня за сутки. У меня есть Дэн, который, если со мной что-то случится, перевернет эту страну вверх дном. И у меня есть подруга, которая уже наверняка заявила в полицию, потому что я отправила ей сообщение с номером вашей машины.

Я врала про сообщение. Я не успела. Но он не знал.

Он стоял молча. Я не видела его лица — только глаза. И в этих глазах что-то мелькнуло. Не страх. Скорее... усталость. Бесконечная, выжженная усталость.

— Вы меня слышите? — повторила я, и голос дрогнул. — Отпустите меня. Пожалуйста. Я никому не скажу. Честное слово. Я скажу, что заблудилась. Что уехала за город и потеряла связь. Что переночевала у подруги. Что угодно. Я придумаю. Я хорошо придумываю. Вы не представляете, сколько раз я придумывала оправдания для своего отца.

Он смотрел. Молчал. А потом шагнул вперед, и я отступила — чисто инстинктивно, потому что он двигался на меня, а его молчание давило сильнее, чем любой крик.

Он прошел мимо, к двери. Я видела его спину — широкую, напряженную, в той же коричневой куртке. Он уже взялся за ручку, когда я выкрикнула:

— Вы вообще умеете говорить? Или вы мне скажете, что ваш контракт запрещает общение с заложниками? Это что, такой профессиональный этикет? «Не разговаривай с пленниками, не снимай шарф, не включай свет, корми кашей раз в день»?

Он остановился. Не обернулся. Но замер так, что я видела — слушает.

— Я, между прочим, — продолжила я, чувствуя, как истерика снова поднимается изнутри, — ужинала с министрами. Я вела переговоры с инвесторами, которые старше меня в три раза. Я умею находить общий язык с любыми людьми. Но вы — вы первый человек, который заставляет меня чувствовать себя идиоткой. Потому что я говорю, говорю, говорю, а вы молчите. И я не знаю, что у вас в голове. Я не знаю, чего вы хотите. Я не знаю даже, как вас называть!

Я замолчала, задыхаясь. В комнате стало тихо — только свеча потрескивала, да где-то за стеной скрипело дерево.

Он стоял не двигаясь. Секунду. Две. Пять. А потом дверь открылась, и он вышел. Щелкнул замок. Шаги затихли в коридоре.

Я осталась одна. Со свечой. С нетронутой едой. И с чувством, что только что проиграла какой-то важный бой, правил которого не понимала.

Я подошла к столу, села на стул и уставилась на огонек. Свеча была обычной — белый воск, фитиль, капля застывшего нагара. Он зажег её, поставил на блюдце и принес мне. Как подарок. Или как уступку.

— Свеча, — сказала я вслух. — Он принес свечу. Может, он не такой бессердечный? Или просто боится, что я начну биться в истерике в полной темноте? Или ему надоело слушать, как я жалуюсь на отсутствие света?

Я протянула руку к тарелке. Суп пах чем-то знакомым — курицей, зеленью. Желудок скрутило так сильно, что к горлу подступила тошнота.

— Нет, — одернула я себя, убирая руку. — Я сказала — не буду. Я буду голодать. Я покажу им, на что способна Белинская.

Я встала, взяла свечу и принялась ходить по комнате. Каждый угол, каждую трещину в стене, каждую половицу я изучила досконально. Окно — слишком высоко, ставни заколочены снаружи. Дверь — массивная, дубовая, петли с той стороны. Стены — каменные, с остатками штукатурки. Пол — деревянный, скрипучий, но без единого люка или тайника.

— Ничего, — констатировала я, вернувшись к столу. — Абсолютно ничего. Даже мыши нет, чтобы составить компанию.

Я села на кровать, поставила свечу на тумбочку и уставилась на пламя. Оно успокаивало — это крошечное, живое, упрямое пламя, похожее на меня сейчас.

— Может, он не так уж и плох, — пробормотала я. — Мог бы оставить меня в полной темноте. Или связать. Или... ну, мало ли что. А он принес свечу. И еду. И даже одеяло какое-то дал. Хотя одеяло воняет плесенью, но это уже детали.

Я легла, подтянула колени к груди и укрылась тем самым вонючим одеялом. Свеча догорала, пламя становилось всё меньше, тени — длиннее.

— Я не буду есть, — прошептала я, засыпая. — Я не сдамся. Я Анжелика Белинская. Я...

Я не помнила, когда уснула. Только сквозь сон чувствовала, как кто-то подошел к кровати, как погасла свеча, как чья-то тень заслонила дверной проем, а потом исчезла.

Утром я проснулась от холода. Свеча догорела до конца, оставив на тумбочке лужицу застывшего воска. Свет из щелей в ставнях был молочным, рассветным. Я села, потянулась — и замерла.

На столе стоял новый поднос. Каша, чай, хлеб. И яблоко — красное, крупное, такое живое на фоне серой посуды.

Я подошла, посмотрела на еду. Вчерашняя тарелка исчезла. Свежая стояла на её месте.

— Он приходит, когда я сплю, — сказала я в пустоту. — Как домовый. Только вместо того, чтобы помогать по хозяйству, он меня похитил.

Я села на стул, положила руки на стол и уставилась на кашу. Парок над ней уже не поднимался, но она выглядела съедобной. Даже аппетитной. Голод напомнил о себе резкой болью в желудке.

— Не буду, — сказала я, но голос прозвучал неуверенно. — Я же решила. Я буду голодать. Пока он меня не выпустит. Или пока не заговорит. Или...

Я замолчала. Схватила яблоко, покрутила в руках. Оно было тяжелым, прохладным, с матовой кожей.

— Одно яблоко не считается, — сказала я себе. — Это даже не еда. Это так... витамины. Чтобы не заболеть. Какой смысл голодать, если я свалюсь с голодухи и он меня даже не услышит?

Я откусила.

Сладкий сок обжег язык, и я чуть не застонала от удовольствия. Яблоко оказалось идеальным — твердым, сочным, с легкой кислинкой. Я съела его за минуту, оставив только хвостик.

— Это ничего не значит, — сказала я. — Яблоко — это не еда. Я всё еще на голодовке. Кашу я есть не буду. Точно не буду.

Я посмотрела на кашу. Она остыла, покрылась тонкой пленкой. Масло растаяло, образовав желтую лужицу.

— Не буду, — повторила я, вставая из-за стола. — Я тверда в своем решении. Я не ем кашу в заточении. Это унижительно.

Я отошла к окну, прижалась лбом к холодному стеклу. В щель между ставнями было видно серое небо и верхушки деревьев. Лес. Мы в лесу. Или на окраине леса. Дом старый, большой, заброшенный.

— Где же ты, Дэн? — прошептала я. — Ты же обещал моему отцу, что будешь меня охранять. Обещал. А я здесь, в каком-то заброшенном особняке, с молчаливым типом в шарфе, и даже не знаю, за что меня похитили.

Я простояла у окна, наверное, час. Может, два. Я потеряла счет времени. В голове крутились мысли — одна мрачнее другой. Выкуп. Месть. Ошибка. Безумие.

— А если он просто псих? — спросила я вслух. — Если он нападает на девушек в такси и держит их в подвалах? Я читала такие истории. Лина мне рассказывала. Она любит всякие страшилки.

Я посмотрела на дверь. Заперто. На окно. Высоко.

Я отошла от окна, села на кровать и уставилась в потолок. Мысли о побеге были такими же бесполезными, как попытки разговорить стену.

— Ладно, — сказала я себе. — План такой. Я не ем. Я вызываю жалость. Я становлюсь слабой и несчастной, и ему приходится меня выпустить. Или хотя бы перевести в другую комнату. С нормальной кроватью. И светом. И книгами. И, может быть, кофе. Хороший кофе — это важно. Я не могу вести переговоры без хорошего кофе.

Я легла, подтянула колени к груди и закрыла глаза. Голод напоминал о себе глухой болью в животе, но я держалась.

— Я справлюсь, — шептала я. — Я умею ждать. Я умею терпеть. Я умею...

Я не закончила. Дверь открылась.

Я не вскочила. Не села. Я лежала, глядя на порог из-под полуприкрытых век, и смотрела, как он входит.

Тот же шарф. Та же куртка. Те же руки. Он нес поднос — новый. Увидел нетронутую кашу, замер на секунду, потом перевел взгляд на меня.

Я не шевелилась. Смотрела на него из-под ресниц, делая вид, что сплю. Он подошел к столу, поставил поднос, убрал старый. Я слышала, как он двигается — тихо, почти бесшумно. Слышала, как поставил кружку, как звякнула ложка.

А потом он подошел к кровати.

Я почувствовала его присутствие — тепло, запах. Незнакомый запах — кожа, табак, что-то еще, неуловимое. Он стоял рядом, смотрел. Я чувствовала его взгляд — тяжелый, изучающий.

— Я не буду есть, — сказала я, не открывая глаз. — Вы можете приносить еду сколько угодно. Я не притронуся. Пока вы меня не выпустите. Или не скажете, зачем я здесь. Или хотя бы не снимете этот дурацкий шарф.

Тишина. Я открыла глаза и встретила с ним взглядом.

Он смотрел сверху вниз, и я впервые заметила, что его глаза не просто голубые. Они светлые, почти прозрачные, с темным ободком вокруг радужки. И в них — что-то, чего я не могла разобрать. Не ненависть. Не злость. Что-то другое.

— Вы вообще умеете говорить? — спросила я тихо. — Или вы немой? Если немой — кивните. Я перестану к вам приставать. Ну, почти перестану.

Он смотрел. Молчал. Не кивнул.

— Или вы просто не хотите со мной разговаривать? — продолжала я. — Это обидно. Я, между прочим, интересный собеседник. Я знаю много историй. Я умею поддерживать разговор и шутить. Ну, это вы уже заметили.

Он не шевелился. Стоял как изваяние, и его молчание начинало действовать на нервы.

— Ладно, — я резко села на кровати, и он сделал шаг назад — не испуганно, а скорее механически, как человек, который не привык, чтобы кто-то вторгнулся в его личное пространство. — Не хотите говорить — не надо. Но тогда хотя бы скажите, что мне делать с этой едой?

Я замолчала, ожидая реакции. Ничего. Он просто стоял и смотрел.

— Знаете что, — я встала с кровати и подошла к столу. Схватила поднос с кашей и протянула ему. — Возьмите и съешьте сами. Или выбросьте. Я не голодна. Я, вообще-то, на диете. Да, у меня диета. Я решила похудеть к отпуску. У меня через месяц поездка с женихом. Мы едем на море. Будем купаться, загорать, есть морепродукты... — я осеклась, потому что говорить о еде на пустой желудок было больно.

Он взял поднос. Медленно, не глядя на меня. И я заметила, что его пальцы дрожат. Совсем чуть-чуть, но я заметила.

— У вас руки дрожат, — сказала я. — Вы голодны? Хотите, оставлю себе? Нет, правда. Я не буду есть, а вы, наверное, не завтракали. Или завтракали? Вы вообще едите? Или вы питаетесь тайной и молчанием?

Он резко развернулся и направился к двери. Я не успела ничего сказать — только смотрела, как он выходит, как закрывает дверь, как щелкает замок.

— Ну и пожалуйста, — сказала я в пустоту. — Пусть идет. Пусть злится. Я всё равно не буду есть.

Я села на кровать, обхватила колени руками и представила еду. Мой любимый омлет на завтрак. С зеленью. И тост. И масло. И кофе. Я чувствовала запах кофе — свежий, горьковатый, такой родной.

— Не буду, — прошептала я, чувствуя, как слезы подступают к горлу. — Я не буду есть. Я не сдамся. Я Анжелика Белинская. Я...

Я закрыла глаза и уткнулась лицом в колени. Плечи задрожали, но я не заплакала. Не позволила себе.

Глава 5

Она не ест.

Я стою в коридоре, прислонившись спиной к холодной каменной стене, и смотрю на поднос в своих руках. Всё на месте, даже чай.

Только яблоко.

Я отдал ей своё. На завтрак у меня была только эта каша, которую она отвергла, и одно яблоко, которое я оставил для себя. Но когда я ставил поднос, она лежала на кровати, свернувшись калачиком, и выглядела такой маленькой в этом огромном холодном особняке, что я положил яблоко рядом с тарелкой. Не знаю, зачем. Это глупо. Это лишнее.

Она съела яблоко.

Хвостик остался на столе, огрызка не было. Она съела его целиком, до самой сердцевины. Значит, голодна. Но кашу не тронула.

Упрямая.

Я закрываю глаза и прислоняюсь затылком к стене. В доме тихо. Только ветер гуляет в трубе камина на первом этаже, да где-то под крышей скрипит старый деревянный каркас. Я знаю этот дом. Я готовил его три месяца. Проверил каждый вход, каждый выход, каждую доску в полу, которая может скрипнуть. Здесь безопасно. Здесь глухо. Отсюда никто не услышит её крики, даже если она будет орать во всё горло.

Но она не кричит.

Она говорит.

Господи, как же много она говорит. Без остановки. Как будто слова — это её единственное оружие, и она наносит удар за ударом, не давая мне опомниться. Я готовился к чему угодно: к слезам, к истерике, к попыткам побега, к мольбам, к тихому ужасу, который парализует и делает людей послушными. Я изучал её полгода. Я знал, что она избалованная, капризная, легкомысленная. Досье на неё было толстое. Отец — владелец консалтинговой империи. Мать — светская львица, которая не работает, но умудряется управлять несколькими благотворительными фондами. Жених — сын партнёров, ревнивый, вспыльчивый, но удобный. Подруга — девушка из простой семьи, которая вечно опаздывает и учит её жизни.

Всё это я знал. Я знал её маршруты, её привычки, её слабости. Я знал, что она боится темноты — это было в заметках, которые я делал после каждого дня наблюдения. «Объект спит с включённым ночником. В 23:00 горничная выключает свет в гостиной, объект оставляет свет в спальне». Мелочь, но я запомнил. Я запоминаю такие вещи.

Я не ожидал, что она будет смеяться.

В такси, когда я вёз её за город, она сначала растерялась. Это нормально. Любой бы растерялся. Потом начала предлагать деньги. Десять тысяч. Двадцать. Потом перешла к угрозам: отец, связи, Дэн с красным поясом. Тоже нормально. Шаблон. Все проходят через это.

А потом она начала шутить.

«Такси-призрак», «Таинственный Молчун», «El Silencioso». Она назвала меня этим именем, и я чуть не повернул голову. Потому что это было почти смешно. Я подавил это чувство, как подавлял всё остальное уже много лет.

Она говорила без остановки, и в её голосе не было страха. Или был, но она его прятала за словами. За шутками. За этой её манерой превращать всё в спектакль, где она — главная героиня.

Я думал, она сломается в этом заброшенном доме, большой холодной спальне, в незнакомом месте, с молчаливым мужчиной. В темноте. Я специально оставил её без света на несколько часов. Нужно, чтобы страх сделал свою работу. Чтобы она поняла: здесь не работают её деньги, её связи, её улыбка. Здесь работаю я.

Она не сломалась.

Она говорила. Громко, в пустоту, как будто вела переговоры со стенами. Потом начала требовать: свет, одеяло, косметичку, душ, нормальную одежду. Сначала я подумал — истерика. Потом понял: она держится. Она держится изо всех сил, и этот бесконечный поток слов — её щит. Её способ не провалиться в тот самый страх, который я пытался в неё вселить.

Я зажёл свечу.

Это была ошибка. Я знаю, что это ошибка. Нельзя давать слабину. Нельзя показывать, что её слова доходят. Заказчик чётко обозначил: никакой жестокости, никаких следов. Просто держать её здесь, пока не придёт время. Сколько нужно. Может, неделю. Может, две. Может, месяц.

Никто не говорил, что она должна быть напугана. Но никто не говорил, что я должен приносить ей свечи.

Я спускаюсь на первый этаж, ставлю поднос на кухонный стол. Кухня здесь старая, как и всё в этом доме. Здесь есть плита, которая работает на газе, и кран, из которого течёт ржавая вода, если долго не открывать. Я привёз воду в канистрах. Еды взял на две недели. Подумал, что этого хватит. Теперь не уверен.

Она не ест.

Я открываю банку тушёнки, нарезаю хлеб, наливаю воду в кружку. Жую механически, не чувствуя вкуса. В голове — её голос.

«Вы вообще умеете говорить?»

Умею. Я умею говорить на четырёх языках. Я умею убеждать, угрожать, торговаться, задавать правильные вопросы и никогда не отвечать на лишние. Я умею молчать так, что люди начинают говорить сами, выкладывать то, что не собирались, лишь бы заполнить тишину.

Она не выкладывает ничего важного. Она говорит о туши, о пище, о сериалах, о том, что Лина будет смеяться, о том, что Дэн её найдёт. Ни слова о том, что действительно имеет значение. Ни слова о том, чего на самом деле боятся.

Кроме темноты.

Она сказала, что боится темноты. По-настоящему боится. И это не было шуткой.

Я зажёл свечу.

Я зажёл свечу и принёс ей. Как идиот. Как мальчишка, который увидел испуганную девочку и забыл, что она — не девочка, а объект. Не человек, а контракт. Не её голос, который застревает в голове и не даёт уснуть. Она — цель и я знаю зачем она здесь и для чего это делаю я.

Я доедаю, убираю со стола, проверяю замки на дверях. Всё на месте. Окна на первом этаже заколочены снаружи, на втором — ставни заперты. Она не выйдет. Даже если каким-то чудом выберется из комнаты, дом — лабиринт. Я специально выбрал этот особняк. Старый, запутанный, с тремя выходами, которые знаю только я. И даже если она найдёт выход — вокруг лес. Километры леса. Ближайшая деревня в десяти километрах. В туфлях на каблуках, без карты, без связи, в темноте, если решится бежать ночью... она не уйдёт далеко.

Я не хочу, чтобы она бежала. Потому что, если она побежит, мне придётся её ловить. А если я буду ловить, я могу сделать ей больно. А если я сделаю ей больно...

Я поднимаюсь на второй этаж. Коридор длинный, тёмный, с провалами дверных проёмов, за которыми — пустые комнаты. Я знаю каждую. Когда-то здесь была чья-то жизнь. Фотографии на стенах, детские игрушки, запах домашней еды. Теперь — пыль, сырость, мыши. И она. Анжелика Белинская, которая привыкла к свету, теплу, вниманию, любви. Которая спит с ночником, потому что в пять лет испугалась фильма про привидения.

Я остановился у её двери. Тихо. Слышу, как она дышит — ровно, спокойно. Спит. Или притворяется. Она хорошо притворяется. Сегодня утром я застал её с закрытыми глазами, и почти поверил, что она спит. Но дыхание было слишком ровным, слишком контролируемым. Она ждала. Смотрела из-под ресниц. И когда я подошёл к кровати, она заговорила.

«Я не буду есть».

Она не ест уже почти сутки. Если так пойдёт дальше, у неё начнётся слабость, головокружение, обмороки. Заказчик сказал: никаких следов. Голодовка — это след. Синяки под глазами, потеря веса, слабый голос — это всё следы. Мне нужна живая, здоровая, невредимая девушка. Я не могу позволить ей голодать.

Но я не могу и заставить её есть.

Я прислоняюсь лбом к дверному косяку. Внутри — тишина. Она спит. Или нет. Интересно, она действительно не будет есть или это игра? Она сказала, что объявляет голодовку. Сказала громко, чётко, глядя в потолок, как будто читала манифест. Я почти улыбнулся. Почти.

Она не похожа на досье. В досье она была плоской, как этот лист бумаги. «Объект не проявляет самостоятельности, полностью зависит от окружения, не имеет собственных интересов, легкомысленна, капризна, высокомерна». Я читал эти строчки и видел очередную богатую девочку, которая ничего не знает о реалиях этого мира.

Но она знает, как торговаться. Она предложила десять тысяч, потом двадцать, потом начала говорить про ПИН-код, про встречу с отцом, про связи, про работу. Она не растерялась. Она включила режим переговоров, как будто я — очередной инвестор, которого нужно убедить.

Она сказала, что ужинала с министрами. Враньё, наверное. Или нет. В её досье было достаточно заметок о светских мероприятиях, о встречах, о том, что отец брал её с собой «учиться». Я думал, это формальность. Теперь думаю, что, может быть, она действительно умеет вести переговоры. Просто в других обстоятельствах.

Я отхожу от двери, иду в соседнюю комнату. Здесь я сплю — на раскладушке, в одежде, с пистолетом под подушкой. Всё по инструкции. Я не снимаю шарфа. Она не должна видеть моё лицо. Не должна знать, кто я. Это безопаснее для нас обоих.

Я ложусь, закрываю глаза. В ушах — её голос.

«Вы меня слышите?»

Слышу. Я всё слышу. Каждое слово. Каждую интонацию. Каждую паузу, в которую она ждёт ответа, которого не получит.

Она не знает, что я не могу ответить. Не потому, что я бездушная машина, а потому, что, если я начну говорить, я не смогу остановиться. Я буду задавать вопросы. Я буду слушать её ответы. Я буду смотреть на неё не как на объект, а как на человека. А человек, которого я знаю полгода, которого изучил до мельчайших привычек, которого видел в кафе, в университете, в торговом центре, в машине, на улице — этот человек перестал быть картинкой в досье. Он стал голосом. Он стал упрямством. Он стал этой чёртовой свечой, которую я зажёл, потому что она сказала, что боится темноты.

Я переворачиваюсь на бок, утыкаюсь лицом в подушку. Пахнет пылью и чем-то ещё. Я не мылся двое суток. Не важно. Важно то, что завтра я снова принесу ей еду. И она снова откажется. И будет смотреть на меня из-под ресниц и говорить, говорить, говорить.

А я буду молчать.

Потому что это моя работа.

Потому что, если я заговорю, я сделаю глупость.

Я, может быть, скажу ей, что она не похожа на досье. Что она смешная. Что её шутки про «El Silencioso» — это самое смешное, что я слышал за последние три года. Я не могу этого сказать. Я вообще ни о чем не должен говорить с ней.

Я закрываю глаза и слушаю дом. Скрипы, шорохи, дыхание за стеной. Она спит. Или нет. Интересно, что ей снится. Может быть, тот самый фильм про привидения, который она посмотрела в пять лет. Может быть, её родители, которые уехали на острова, оставив её на месяц. Может быть, Дэн, который не успел её спасти.

Заказчик сказал: «Она будет легкой. Избалованная дура, которая ни разу в жизни не слышала «нет». Я должен был просто взять её, привезти сюда, держать. Никакой жестокости. Никаких следов. Чистая работа.

Никто не сказал, что она будет смеяться в лицо страху. Никто не сказал, что она откажется от еды, потому что это единственное, что она может мне противопоставить. Никто не сказал, что она будет сидеть в темноте, обхватив колени, и шептать: «Я Анжелика Белинская. Я не сдамся».

Я не сдамся.

Это я должен был говорить. Я — тот, кто держит её здесь. Я — тот, кто контролирует ситуацию. Я — профессионал. У меня был план, и план сработал. Она здесь. Она в безопасности. Она невредима.

Почему же мне кажется, что это я оказался в ловушке?

За стеной скрипнула кровать. Она проснулась. Или не спала. Я слышу, как она встаёт, идёт к столу, потом к окну. Шаги босых ног по холодному полу. Я не дал ей носки. В досье не было пункта про носки и удобную одежду.

Она остановилась у окна. Слышу, как открывает ставни — чуть-чуть, насколько позволяет щель. Ветер завыл громче. Ей холодно. Я знаю, что ей холодно. Она в тонкой блузке, в узкой юбке, на босу ногу. Я мог бы дать ей свитер и спортивные брюки. Я привёз одежду для себя, но так и не переоделся.

Я не встаю. Не двигаюсь. Это будет ещё одна ошибка. Сначала свеча, потом яблоко, потом одеяло, которое я бросил на кровать, потому что она дрожала. Если я дам ей одежду, что дальше? Книги? Музыка? Телефон?

Я слышу, как она вздыхает. Тихий, почти беззвучный вздох, который теряется в шуме ветра. Она не плачет. За два дня она не проронила ни слезинки. Только один раз, когда я уходил после её слов про темноту, мне показалось, что она заплакала. Но когда я вернулся со свечой, она сидела на кровати, прямая, с сухими глазами, и смотрела на меня так, будто ничего не случилось.

Она сильнее, чем я думал.

И это проблема.

Я сажусь на раскладушке, провожу рукой по лицу. Шарф на месте. Я никогда не снимаю его при ней. Никогда. Это единственное, что отделяет меня от того, чтобы стать для неё человеком, а не тенью.

Я слышу, как она отходит от окна, садится на кровать. Тишина. Минута. Две. Потом её голос — тихий, почти шёпот:

— Спокойной ночи, El Silencioso.

Я замираю.

Она обращается ко мне. К тени за стеной. К тому, кто, возможно, спит, а возможно, слушает.

Я молчу. Я всегда молчу.

Но в этот раз молчание даётся тяжелее, чем обычно.

Я лежу на раскладушке, смотрю в потолок и считаю трещины. Их семнадцать. Я знаю каждую. И я знаю, что за стеной она спит. Я чувствую это. Даже без звуков. В доме какая-то неправильная тишина — слишком плотная, слишком пустая.

Я жду. Минуту. Пять. Десять. Ничего.

Она не ела больше суток. Я считал. С того самого яблока, которое она съела утром, прошло больше двадцати четырёх часов. Я приносил еду три раза. Она не притронулась.

В досье ничего не было про голодовку. Там было про капризы, про дорогую одежду, про привычку командовать прислугой. Ни слова про то, что она может взять и просто перестать есть. Из принципа. Из упрямства. Из того, что она Анжелика Белинская и не сдаётся.

Я встаю. Иду в коридор. Останавливаюсь у её двери.

Я прижимаюсь ухом к дереву. Слышу дыхание. Ровное. Глубокое. Она спит.

Пальцы сами нащупывают замок. Я открываю дверь медленно, беззвучно — петли смазаны, я проверял трижды. Проскальзываю внутрь.

Свеча догорела. В комнате только мутный свет из щелей в ставнях. Она лежит на кровати, свернувшись калачиком, под тем самым вонючим одеялом, которое я ей бросил. Волосы рассыпались по подушке, лицо бледное в полумраке. Дышит ровно. Спокойно.

Она просто спит.

Я стою в дверях, смотрю на неё, и чувствую, как напряжение, которое держало меня последние часы, начинает отпускать. С ней всё в порядке.

Стул стоит у стола. Я беру его, переставляю к двери. Сажусь. Спина к стене, лицом к ней.

Так я слышу каждое движение. Каждый вздох. Если проснётся — увижу первым. Если что-то случится — буду рядом.

Глупо. Я знаю, что глупо. Она не сбежит — дверь заперта, окна высоко, она даже не пробовала их открыть. Она не опасна — её оружие только слова, а сейчас она спит. Мне не нужно здесь сидеть. Я должен быть в своей комнате. Должен спать. Должен держать дистанцию.

Но я сижу.

Смотрю, как поднимается и опускается её плечо в такт дыханию. Слушаю тишину, которая больше не кажется пустой. Она здесь. Я здесь. Всё под контролем.

Я откидываю голову на стену. Глаза слипаются. Я не спал двое суток. Всё это время я был в напряжении. А сейчас — сейчас я вдруг чувствую, как оно уходит.

Стул жёсткий, спинка впивается в лопатки. Но я не хочу уходить. Не понимаю этого чувства. Оно не из инструкций. Не из досье. Оно — моё.

Она вздыхает во сне. Переворачивается на другой бок, подтягивает колени к груди. Одеяло сползает, и я вижу её плечи — тонкие, острые, она вся какая-то хрупкая без своей брони из слов.

Я не заметил, как закрыл глаза. Думал, просто посижу минут десять. А потом уйду.

Тишина. Её дыхание. Где-то далеко скрипит дерево. Ветер за окном стих.

Я уснул.

Не помню, как это случилось. Просто вдруг провалился. Стул оказался удобнее, чем раскладушка. Или дело не в стуле.

Я сплю. Здесь. У её двери. Как пёс, который сторожит и сам не знает зачем.

Но внутри — тихо. Впервые за много дней.

Глава 6

Я проснулась и сразу почувствовала, что я не одна. Я открыла глаза и в полумраке рас-света увидела его.

Он сидел на стуле у двери. Сложив руки на груди, откинувшись на спинку. Шарф на месте, глаза закрыты. Он спал.

Я замерла, боясь пошевелиться. Сердце колотилось где-то в ушах, но я старалась дышать ровно, чтобы не разбудить его. В комнате было серо и тихо — только ветер за ставнями да редкое тиканье, которого я раньше не замечала. Часы? Где-то в доме были часы.

Я рассматривала его в этом скудном свете. Шарф закрывал нижнюю половину лица, но я видела лоб — высокий, с залысинами на висках. Брови темные, густые, чуть сдвинутые даже во сне. Возраст? Трудно сказать. Двадцать пять? Тридцать? Может, больше. От него исходило что-то тяжелое, какое-то давнее, устоявшееся одиночество.

— Ты хоть знаешь, как глупо выглядишь? — прошептала я едва слышно. — Спишь на стуле, как сторож. Похититель года.

Он не шелохнулся. Я осторожно, стараясь не скрипеть кроватью, села. Ноги затекли, голова кружилась. Вторые сутки без еды давали о себе знать.

Я спала так крепко, что не слышала ни скрипа двери, ни его шагов.

Я посмотрела на дверь. Приоткрыта. Он оставил её приоткрытой.

Я перевела взгляд с двери на него, с него — на дверь. Сердце забилося чаще.

— Это ловушка, — прошептала я. — Конечно, ловушка. Он спит, дверь открыта, я выхожу, а там коридор, полный его дружков, и они все стоят и ждут, чтобы поржать над глупой девчонкой. Нет уж. Я не настолько наивна.

Я не сдвинулась с места. Сидела на кровати, обхватив колени, и смотрела то на дверь, то на спящего мужчину.

Он дышал ровно, глубоко. Иногда его плечо вздрагивало, и тогда я замирала, думая, что он просыпается. Но нет. Он спал. И спал, кажется, крепко. Слишком крепко для человека, который держит пленницу в заброшенном доме.

— Может, ты и правда устал, — сказала я тихо. — Может, я у тебя не первая. Или, наоборот, первая. И ты не знаешь, что с этим делать. И поэтому спишь на стуле, как последний идиот.

Я замолчала, удивившись собственным словам. С чего я взяла, что он не знает, что делает? Он всё знал. Он ждал меня у университета, он знал, что Дэн уехал, знал, что Лина опоздает. Он всё спланировал.

Тогда почему я до сих пор здесь? Почему не позвонил моему отцу с требованием выкупа? Почему приносит еду три раза в день, зажигает свечи и спит на стуле, как собака, охраняющая хозяина?

Я встала с кровати. Пол подо мной скрипнул, и я замерла, глядя на него. Ничего. Он спал.

Я сделала шаг к столу. Взяла бутылку с водой и осторожно сделала глоток, потом другой.

Я смотрела на него, пока пила. На его руки, сложенные на груди. На пальцы — длинные, с чистыми ногтями. Никаких колец. Никаких украшений. Руки человека, который не привык к роскоши.

Я поставила бутылку, подошла к стулу.

Он был близко. Так близко, что я видела морщинки вокруг его закрытых глаз, видела, как под шарфом вздымается грудь.

— Ты кто? — прошептала я, наклоняясь. — Зачем я здесь?

Он не ответил. Я протянула руку к его шарфу. Пальцы уже почти коснулись ткани, когда я остановилась.

— Что ты делаешь, Анж? — прошептала я себе. — Он проснется. Он... что он сделает, когда проснется?

Я отдернула руку и отступила на шаг. Два. Три. Спина уперлась в стену и замерла, глядя на него.

Он спал. Я могла выйти. Дверь была открыта.

Я шагнула к двери. Пол скрипнул — громко, протяжно. Я замерла, глядя на него. Он вздохнул, пошевелился... и затих.

Я вышла в коридор.

Он был темным и длинным, как тоннель. Пол из потемневшего дерева, стены в полосках обоев — когда-то, наверное, богатых, а теперь висящих лохмотьями. Я сделала шаг, другой.

Коридор вел к лестнице. Широкой, с резными перилами, которые темнели пятнами старого лака. Я ступила на первую ступеньку — она застонала под моим весом, как живая. Вторая. Третья.

Я спускалась медленно, держась за перила, и чувствовала, как сердце колотится где-то в горле. Каждая ступенька отзывалась скрипом, каждый звук казался оглушительным в этой тишине.

Первый этаж встретил меня запахом сырости и холода. Большой холл, высокий потолок, на котором угадывалась лепнина. Люстра — огромная, хрустальная, но вся в пыли и паутине. Пол мраморный, с трещинами.

Я огляделась. Двери. Много дверей. Одни открыты, другие закрыты. Я подошла к ближайшей, заглянула — пустая комната с голыми стенами. Еще одна — столовая? Огромный стол, стулья, накрытые белыми простынями. Буфет с посудой, покрытой пылью.

— Это чей-то дом, — прошептала я. — Не просто заброшенный. Чей-то дом. Богатый. Очень богатый.

Я прошла дальше. Кухня — огромная, с плитой, которая помнила, наверное, прошлый век. Но на столе стояла свежая кружка, на плите — кастрюля. Я заглянула — овсянка. Моя? Его? Он живет здесь. Готовит. Моет посуду. Приносит мне еду три раза в день.

Я отошла от плиты и увидела дверь. Входная. Массивная, дубовая, с тяжелой ручкой. Я подошла, взялась за ручку.

Не заперто.

Я стояла, сжимая холодный металл, и чувствовала, как ветер дует в щели, принося запах леса и влажной земли. Снаружи. Свобода.

Я толкнула дверь. Она открылась с протяжным стоном, и я увидела утро. Серое, холодное, но настоящее. Дорога — грунтовая, уходящая в лес. И тишина. Ни машин, ни голосов, ни собак. Ничего.

Я шагнула на крыльцо. Босиком — я забыла, что на мне нет обуви. Холодный камень обжег ступни, но я не остановилась. Сделала еще шаг. Еще.

— И куда ты пойдешь? — спросила я себя.

Лес. Дорога. Неизвестно сколько километров до города. Босиком, в блузке и юбке, без денег, без телефона. Я даже не знала, где нахожусь. В какой области, в каком направлении от города.

Я стояла на крыльце, смотрела на лес и чувствовала, как надежда утекает сквозь пальцы, как вода.

— Вернешься? — спросила я себя. — Или пойдешь? Может, через пару километров будет трасса. Может, кто-то подвезет. Может...

Я не закончила мысль. Сзади скрипнула дверь.

Я обернулась.

Он стоял в дверном проеме. В той же куртке, в том же шарфе. Его глаза — голубые, прозрачные — смотрели на меня без удивления, без злости. Просто смотрели.

— Я... — начала я.

Он молчал. Я видела, как его рука сжимает дверной косяк, как напряжены пальцы.

— Я не сбежала, — сказала я. — Я просто... вышла подышать. Там, наверху, душно, пыльно, даже ставни не открыть. А здесь... — я обвела рукой лес, небо, утро, — здесь хорошо.

Он не двинулся с места. Я стояла на крыльце, босиком, чувствуя, как холод поднимается от ступней выше, к коленям, к животу, к сердцу.

— Ты не запер дверь, — сказала я. — Зачем? Я могла уйти.

Он молчал. Но в его глазах что-то мелькнуло. Я не поняла, что — может, усмешку. Может, усталость.

— Ты знал, что я не уйду, — поняла я вдруг. — Знал. Потому что я не дура. Я не пойду босиком по лесу, не зная дороги. Я не брошусь в неизвестность, как героиня дешевого фильма. Я слишком... я слишком привязана к комфорту, да? Слишком избалована, чтобы выжить в лесу. Ты на это рассчитывал?

Он не ответил. Но что-то в его позе изменилось — плечи чуть опустились, рука разжалась. Он сделал шаг назад, освобождая проход.

Я смотрела на него, на открытую дверь, на темный коридор за его спиной. И вдруг поняла, что не хочу возвращаться. Не хочу в эту комнату, в эту темноту, в эту клетку.

— Я не пойду, — сказала я. — Не сейчас. Я постою здесь. Если ты не против.

Он замер. Наверное, не ожидал. Я отвернулась к лесу, сложила руки на груди и уставилась на деревья. Холод пробирал до костей, но я не двигалась.

— Красиво здесь, — сказала я, не оборачиваясь. — Тихо. В городе никогда так не бывает. Там всегда шум, машины, люди. А здесь — только ветер и птицы. Я не слышала птиц, наверное, лет сто.

Он не ответил. Но я чувствовала его взгляд на своей спине — тяжелый, неотступный.

— Ты здесь живешь? — спросила я. — В этом доме? Один?

Молчание. Я и не ждала ответа.

— Красивый дом, — сказала я. — Когда-то, наверное, был очень красивым. Мои родители любят такие — старинные, с историей. У нас за городом есть дом, похожий на этот. Тоже старый, тоже с лепниной и каминами. Но там всё отреставрировано, всё блестит. А здесь... — я замолчала, подбирая слова. — Здесь всё настоящее.

Я поежилась от холода и услышала, как он двинулся. Шаги — тяжелые, неторопливые. Я не оборачивалась, но чувствовала, как он подходит ближе. Останавливается рядом.

Что-то упало на мои плечи. Тяжелое, грубое, пахнущее дымом и кожей. Я опустила глаза — куртка. Его куртка.

Я обернулась. Он стоял без куртки — в черном поло, обтягивающим широкие плечи. Шарф на месте, конечно же. Он смотрел на лес, не на меня.

— Ты замерзнешь, — сказала я.

Он не ответил. Я натянула куртку на плечи — она была огромной, доходила почти до колен. Теплая. Внутри еще сохранилось его тепло, и это было странно — чужое тепло на моей коже. Я запахнулась плотнее и снова отвернулась к лесу.

— Спасибо, — сказала я тихо.

Он не ответил. Мы стояли так, наверное, минут десять. Молча. Я смотрела на деревья, он — тоже. Ветер стих, птицы запели громче.

— Я не буду пытаться сбежать, — сказала я. — По крайней мере, сегодня. Сегодня я просто постою здесь, подышу и вернусь в свою комнату. Хорошо?

Он не ответил. Но когда я повернулась к нему, он кивнул. Один раз, едва заметно.

Я улыбнулась. Сама не знаю чему. Может, тому, что он наконец-то отреагировал. Может, тому, что я всё еще жива. Может, тому, что утро было таким тихим, а лес — таким спокойным.

— Пошли, — сказала я, снимая куртку и протягивая ему. — А то ты замерзнешь. И с кем тогда я буду разговаривать? Ты, конечно, тот еще молчун. Но по крайней мере, я не одна тут в этой глуши.

Он взял куртку, надел, не глядя на меня. Я прошла мимо него в дом, чувствуя, как холодный камень обжигает ступни, но не останавливаясь.

В коридоре было темно, но я шла быстро, не оглядываясь. Только на лестнице придержалась за перила — ноги заledenели, не слушались.

— Может, можете дать мне носки? — спросила я, поднимаясь. — Или тапки? Я, конечно, понимаю, что я заложница, но заложницы тоже имеют право на теплые ноги. Это где-нибудь в конвенции прописано. Наверное.

Он не ответил. Но когда я вошла в свою комнату и села на кровать, растирая ледяные ступни, дверь открылась снова. На порог упали носки. Грубые, явно мужские.

Я подняла их, рассмотрела.

— Спасибо, — сказала я в пустоту. — С чувством юмора у вас, конечно, проблемы, но с гостеприимством — ничего.

Я натянула носки — они были огромными, сбивались на пятках — и забралась на кровать с ногами. Я сидела на кровати и смотрела на дверь, которая снова была закрыта. Но теперь я знала, что за ней — коридор, лестница, входная дверь, лес.

— Кто ты? — прошептала я. — И зачем я здесь?

Вопрос повис в воздухе, не находя ответа. Только часы где-то в доме отбивали время — мерно, неумолимо, как отсчет.

День тянулся медленно. Я сидела у окна, поджав ноги, и смотрела в щель между ставнями. Небо меняло цвет — от серого к белому, потом снова к серому. Шел дождь. Мелкий дождь ранней весны. Капли стучали по стеклу, и этот звук был единственным, кроме моего собственного дыхания.

Я думала о родителях. Они уже наверняка знали. Лина не могла не позвонить, когда я не пришла в торговый центр. Отец, наверное, рвет и мечет. Мать плачет. Дэн, наверное, уже обыскал половину города.

— А ты здесь, — сказала я себе. — Сидишь в чужих носках с новой порцией каши три раза в день. Заложница с комфортом.

Я усмехнулась, но смех получился горьким.

Ближе к вечеру дверь открылась. Он вошел с подносом, поставил на стол. Я не оборачивалась, продолжала смотреть в окно.

— Вы знаете, — сказала я, не глядя на него, — мой отец найдет меня. Не потому, что он хороший отец. Хотя он хороший. Он найдет, потому что не умеет проигрывать. Он всегда добивается своего. На переговорах, в бизнесе, в жизни. Он найдет вас, и тогда...

Я замолчала. Он стоял у стола, ждал. Я чувствовала его присутствие — тяжелое, неподвижное.

— Я не хочу, чтобы он причинил вам боль, — сказала я тихо. — Не знаю почему. Может, потому что вы приносите мне кашу и носки. Может, потому что вы спите на стуле, как собака, а не в своей комнате. Может, потому что вы не заперли дверь сегодня утром. Я не знаю. Но я не хочу, чтобы вы пострадали. Я не знаю, почему, мне кажется, вы хороший... ну, то есть не такой плохой, как обычные похитители... Поэтому... скажите мне, зачем я здесь. Может, я смогу помочь.

Тишина. Такая густая, что я слышала, как бьется мое сердце.

— Вы можете говорить? — спросила я, поворачиваясь. — Или вы просто не хотите?

Он стоял, глядя на меня. Шарф на месте, глаза — холодные, прозрачные. Но в них что-то дрогнуло. Я видела.

— Я не могу помочь, если вы не скажете, — сказала я. — Я не экстрасенс. Я просто девушка, которая села не в то такси.

Он сделал шаг назад. Потом еще один. Он ушел, как всегда.

— Что ты делаешь, Анж? — прошептала я. — Ты что, защищаешь его? Человека, который тебя похитил?

Я закрыла лицо руками и засмеялась. Тихо, истерично, почти беззвучно.

— Лина была права. Я легкомысленная. Я даже в плену умудряюсь жалеть похитителя.

Я отняла руки от лица и посмотрела на дверь.

Ночью мне приснился отец. Он стоял на пороге этого дома, в своем идеальном костюме, и кричал что-то в темноту. Я пыталась ответить, но не могла — голос исчез. А потом он ушел, и я осталась одна в этом огромном, холодном доме.

Глава 7

Третий день без еды — это не диета. Это когда время начинает тянуться как жвачка, прилипая к зубам, к языку, к горлу. Это когда голова становится ватной, а мысли — вязкими, как смола. Это когда ты смотришь на поднос с кашей и понимаешь, что не чувствуешь ни голода, ни отвращения. Только пустоту.

Я лежала на кровати, уставившись в потолок, и считала трещины. Я знала каждую. Знаю, какая из них длиннее, какая шире, какая ветвится как молния. Я знаю этот потолок лучше, чем свою комнату дома.

За окном серый свет сменился сумерками. Я потеряла счет дням. Или часам. Или тому, что между ними. Свечу он больше не приносил. Может, решил, что я заслужила темноту. Может, кончились свечи. Может, он просто устал.

Я устала.

Не от голода. От этого бесконечного монолога, который я вела сама с собой, со стенами, с ним. От попыток его разговорить. От попыток понять. От надежды, которая таяла с каждым подносом, который я оставляла нетронутым.

Я больше не знала, как его уговаривать. Слова кончились. Шутки кончились. Аргументы кончились.

Дверь открылась. Я не повернула головы. Я слышала его шаги — уверенные, почти бесшумные. Звук подноса, который он поставил на стол. Обычно после этого он уходил. Но сегодня он задержался.

Я чувствовала его взгляд. Тяжелый, изучающий. Он смотрел на нетронутую еду. Смотрел на меня. Ждал.

— Убирайся, — сказала я в потолок. Голос прозвучал чужой — хриплый, севший.

Он не ушел.

Я медленно села. Перед глазами все плыло, пришлось моргнуть несколько раз, чтобы сфокусироваться. Он стоял в дверях, скрестив руки на груди. Он не был в привычной куртке и поло. Сегодня на нем была толстовка с капюшоном и спортивные штаны. Всё черное, конечно. Капюшон надвинут на глаза, лицо закрыто шарфом. Только щель для глаз. И эти глаза — голубые, холодные. Смотрят на меня с чем-то, что я не могу прочитать.

На подносе овсянка. Хлеб. Вода. Всё, как всегда.

— Я сказала — убирайся, — повторила я, и в голосе прорезалось что-то новое. Не усталость. Не отчаяние. Что-то горячее, что копилось во мне три дня, пока я лежала в темноте и смотрела в потолок.

Он молчал.

Это молчание душило меня. Оно было хуже любых слов, любых угроз. Оно стирало меня в порошок, превращало в ничто. Я чувствовала, как внутри закипает что-то темное, неконтролируемое. Слабость отступила, уступая место дикой, животной ярости.

— Ты вообще умеешь говорить? — зашипела я, вставая с кровати. Ноги дрожали, и мне пришлось ухватиться за спинку, чтобы не упасть. — Или язык только для того, чтобы молчать? Чтобы делать вид, что меня здесь нет?

Тишина.

Я сделала шаг к нему. Потом второй. Он не шелохнулся.

— Ты слышишь меня? — мой голос сорвался на крик. — Я с тобой разговариваю! Что тебе нужно? Денег? У меня нет. — я горько, истерично рассмеялась. — Ты просто приносишь еду, стоишь молча и уходишь! Что это? Эксперимент? Проверка, как долго человек может существовать без человеческого голоса?

Он опустил руки. Я видела, как напряглись его плечи под толстовкой, как сжались кулаки. Но он по-прежнему молчал.

И это молчание стало последней каплей.

Я развернулась, схватила поднос со стола и, собрав остатки сил, швырнула его в стену. Грохот стоял оглушительный. Тарелка разлетелась вдребезги, овсянка размазалась по обоям, осколки посыпались на пол. Я смотрела на эту картину — на кашу, медленно сползающую по стене, на осколки, сверкающие в тусклом свете — и чувствовала, как внутри что-то обрывается. Или ломается.

Я повернулась к нему. Ярость еще кипела во мне, но где-то на фоне уже пульсировала усталость.

— Интересно, вы сами выбрали это? — спросила я, и голос вдруг стал тихим. — Ну, похищать девушек и держать их в заброшенных домах? Это ваша осознанная карьера? Гордитесь собой?

Он смотрел на меня. Я видела, как дернулась его челюсть под шарфом. Напряжение было таким сильным, что, казалось, вот-вот треснут кости. Но он молчал.

— Ты — чудовище, — сказала я, вдруг переходя на «ты». — Ты похищаешь людей, запираешь их в темноте и молчишь днями напролет. Это делает тебя сильным?

Он замер. Я видела, как напряглись его плечи, как сжались кулаки в карманах. Я думала, он ударит. В тот момент мне было все равно. Пусть бьет. Пусть делает что угодно. Хуже, чем эта тишина, уже не будет.

Я сделала шаг вперед, почти вплотную к нему. Наверное, это было безумием. Но во мне не осталось страха — только злость и какая-то странная, опустошающая смелость.

— Чудовище, — повторила я тише. Голос сел, превратился в шепот. Я смотрела в его глаза — голубые, холодные, и в них было что-то, чего я не могла прочесть. Что-то, что не укладывалось в образ безмолвного палача. — Знаешь, это даже подходит. Старинный особняк, заброшенный, в лесу. Молчаливый хозяин, который не показывает лица. И пленница, которую он держит в башне. Прямо как в сказке. Только в сказке чудовище было милым. А ты просто чудовище.

Он просто стоял. Смотрел на меня. И в его глазах — голубых, холодных — было что-то, чего я не могла прочесть.

— Убирайся, — сказала я.

Голос прозвучал тихо. Не истерично, не зло. Просто устало. Я развернулась, подошла к кровати и легла. Свернулась калачиком, подтянув колени к груди, и закрыла глаза.

Я слышала, как он стоит. Слышала его дыхание — ровное, тяжелое. Слышала, как скрипнула половица под его весом. Но я не открывала глаз. Не шевелилась.

Прошла минута. Другая. Потом я услышала шаги — медленные, нерешительные. Дверь скрипнула. Щелкнул замок.

И наступила тишина.

Я лежала, чувствуя, как затекли ноги, как холод поднимается от подушки к щеке, как медленно, по миллиметру, уходит напряжение из мышц. Я не плакала. Не думала. Не считала трещины на потолке.

Я просто лежала и молчала.

Свет за окном менял оттенки — от серого к белому, от белого к синему, от синего к сумеречному. Я не вставала. Не пила воду. Не смотрела на дверь, когда она открывалась и снова закрывалась — я слышала, как он заходил, стоял у порога, смотрел. Потом уходил.

Кажется, он перестал менять подносы с едой.

Я молчала.

К вечеру я всё ещё лежала в той же позе, свернувшись клубочком, и смотрела в стену. Во рту пересохло, голова кружилась, но внутри было странно спокойно. Словно я наконец

перестала бороться. Словно я признала, что этот дом, эта комната, эта тишина — теперь моя реальность. И в этой реальности нет слов. Нет шуток. Нет переговоров.

Есть только я и стена.

И где-то за ней — чудовище, которое тоже молчит.

Я закрыла глаза и провалилась в темноту, даже не заметив, как это случилось.

Глава 8

Голод — это не просто пустота в животе. Это когда всё тело становится ватным, голова гудит, как трансформаторная будка, а мысли вязнут, словно в густом сиропе.

К вечеру пятого дня моей забастовки я перестала ходить по комнате. Я просто лежала на кровати, завернувшись в колючее одеяло, и смотрела в стену. Даже страх темноты притупился, уступив место звенящей слабости.

— Я в порядке, — прошептала я пересохшими губами. — Просто небольшая детоксикация. Звезды Голливуда платят за такие ретриты бешеные деньги. А мне... бесплатно. Олл-инклюзив от похитителя-социопата.

Шутка получилась жалкой. Я даже не улыбнулась.

Дверь скрипнула, когда за окном уже сгустились сумерки. Я не повернула головы. Услышала тихие шаги, тихий стук подноса о деревянный стол. Запахло чем-то невероятным. Мясной бульон. Свежий хлеб. Мой желудок скрутило так болезненно, что я невольно застонала и свернулась в клубок.

Шаги замерли.

Я заставила себя открыть глаза и приподняться на локте. Он стоял у стола и смотрел на меня. В полумраке его глаза казались совсем темными, а шарф на лице — черной дырой, скрывающей всё человеческое.

— Можете уносить, — мой голос был хриплым, жалким. Я откашлялась, пытаюсь придать ему хоть каплю моей былой уверенности.

Он не ушел.

Он подошел ближе. Встал у изножья кровати, засунув руки в карманы своих спортивных брюк. Смотрел на меня сверху вниз, неподвижный, как статуя.

— Что? — я попыталась сесть, но комната вдруг накренилась. Перед глазами поплыли черные мушки. — Ждете, когда я сдамся и начну умолять? Не дожидетесь.

Я рывком спустила ноги на пол и попыталась встать. Мне почему-то казалось жизненно важным оказаться с ним на одном уровне, показать, что я не сломлена.

Это было ошибкой.

Колени мгновенно подогнулись. Пол рванулся навстречу, я инстинктивно выставила руки, ожидая жесткого удара о доски, но удара не последовало.

Он поймал меня.

Движение было настолько стремительным, что я даже не поняла, как оказалась в его руках. Жесткие пальцы впились в мои плечи. Я уткнулась носом в его грудь — твердую, как камень. Снова этот запах: кожа, ночная прохлада и чуть горьковатый табак. Мои ладони рефлекторно вцепились в его руки, чтобы не упасть.

Мир перестал вращаться, но сердце заколотилось с такой силой, что, казалось, пробьет ребра.

Мы замерли. Я тяжело дышала, чувствуя, как его грудная клетка вздымается в ответ. Он не отпускал меня. И не пытался усадить обратно на кровать. Он держал меня так крепко, словно я могла разбиться вдребезги.

Я медленно подняла голову.

Мы оказались недопустимо близко. Я видела каждую ворсинку на черной ткани его шарфа, видела крошечный шрам у левой брови. Его глаза — светлые, льдистые — смотрели в мои с каким-то лихорадочным, напряженным вниманием.

— Вы... — начала я, но голос пропал.

Он вдруг разжал руки на моих плечах, но лишь для того, чтобы подхватить меня под колени и спину. Легко, словно я ничего не весила, он поднял меня на руки и опустил на кровать.

Я не успела возмутиться, как он развернулся, в три шага преодолел расстояние до стола и вернулся. В его руке была кружка. Бульон.

Он сел на край моей кровати. Матрас прогнулся под его тяжестью. Он поднес кружку к моим губам.

— Я сказала, что не буду... — слабо запротестовала я, отворачиваясь.

Он не убрал руку. Просто замер. Ждал. Я скосила на него глаза. В его взгляде не было ни злости, ни насмешки. Только упрямство. Такое же, как у меня, а может, и сильнее. Он будто говорил без слов: «Мы будем сидеть здесь до утра, пока ты не сделаешь глоток».

Желудок снова скрутило от запаха еды. Моя гордость боролась с физиологией, и физиология побеждала. В конце концов, мертвая Анжелика Белинская никому ничего не докажет.

Я сдалась. Чуть подалась вперед и сделала неуверенный глоток. Теплая, солоноватая жидкость обожгла горло и упала в желудок, разливаясь живительным теплом. Я закрыла глаза и сделала еще несколько глотков, жадно, уже не контролируя себя.

Когда кружка опустела наполовину, он мягко отодвинул ее. Хватит для первого раза.

Я откинулась на подушку, чувствуя себя слабой, проигравшей, но... живой.

Он встал. Поставил кружку на стол. Затем достал из кармана спички, чиркнул и зажег свечу. Маленький огонек разогнал тьму в комнате. Он снова оставил свечу. Что это? Перемирие?

Я смотрела в его спину, пока он шел к двери.

— Спасибо, — прошептала я.

Он замер на секунду, взявшись за ручку двери. Его плечи едва заметно напряглись. Он не обернулся, не кивнул. Просто вышел в коридор, и замок щелкнул с привычным сухим звуком.

Я подтянула колени к подбородку и посмотрела на дрожащее пламя свечи. Он не сказал ни слова. Он не снял свою маску. Но почему-то мне казалось, что сегодня вечером я услышала его громче, чем кого-либо другого в своей идеальной жизни.

Глава 9

Я сижу на своей раскладушке и смотрю на собственные руки.

Это провал.

Я знаю, что это провал, с той самой секунды, когда поймал её на лету. В тот момент я не думал. В тот момент я просто двигался. Быстрее, чем соображал. Быстрее, чем приказ, который я себе дал: не трогать.

Нельзя трогать. Нельзя прикасаться. Это первое правило. Второе: не реагировать. Третье: не видеть в ней человека.

Я нарушил все три за одну минуту.

Она упала. Она такая лёгкая. В досье был указан её вес, но цифры не передают ощущения, когда держишь её в руках. Она почти ничего не весит. Особенно сейчас, после пяти дней голодовки. Её плечи острые, ключицы торчат, и когда я держал её, чувствовал каждую косточку.

Она смотрела на меня. Снизу вверх. В её глазах не было страха. Только слабость, и удивление, и что-то ещё, что я не хочу называть.

Я не хочу называть это доверием.

Потому что доверие — это то, чего я не заслужил. И то, что я не могу использовать. Моя работа — держать её здесь. Не завоёвывать её доверие. Не кормить с рук. Не зажигать свечи.

Я зажёл свечу. Снова.

Я делаю это каждый вечер. После того как она отказалась от еды в четвёртый раз, я перестал приносить подносы. Думал, голод сделает то, что не сделали мои слова. Думал, она сломается. Я ждал. Сидел в своей комнате, слушал тишину за стеной и ждал.

Она не сломалась.

Она молчала. И это молчание было громче, чем все её шутки про такси-призрак и *El Silencioso*. Я привык к её голосу. Я не понимал, как сильно привык, пока она не замолчала. Тишина давила на уши. Я лежал на раскладушке, смотрел в потолок и считал трещины. Семнадцать. Я знал каждую. Но почему-то мне казалось, что они меняют положение.

Я вставал. Подходил к её двери. Слушал. Ничего. Ни дыхания, ни шагов, ни голоса. Я думал, она умерла. Я прижимался ухом к холодному дереву и слушал тишину. И боялся войти.

Я, который не боится ничего. Который шёл на задания, где пули свистели над ухом, где каждая секунда могла стать последней. Я боялся открыть дверь в комнату, где лежала измождённая девушка в носках, которые ей дал.

Потому что, если бы я открыл дверь и увидел, что она не дышит, — я не знаю, что бы сделал.

Я не должен был этого чувствовать. Не должен.

Я сжимал кулаки, вдавливая ногти в ладони, чтобы боль вернула меня в реальность. Напоминал себе, зачем я здесь. Кто заплатил. Что на кону. Я повторял это как мантру, пока слова не превратились в белый шум в голове.

Она нужна заказчику живой и здоровой. Живой. Здоровой. Целой. Это единственное, что имело значение.

Вчера вечером я сдался. Сварил бульон. Куриный, с морковью и зеленью. Вспомнил, как мама готовила такой, когда я болел в детстве. Я не думал об этом почти десять лет. А тут вспомнил. И почему-то вспомнил её запах — мамин запах, тёплый, домашний. И как она говорила: «Ешь, сил набирайся».

Я взял кружку, поднос, пошёл наверх. У её двери остановился. Стоял, держась за ручку, и не мог открыть. Потому что знал: если открою — сделаю что-то, что нельзя будет отменить. Что-то, что разрушит все инструкции, все границы, всю мою жизнь, выстроенную на правилах.

Я открыл.

Она лежала на кровати, такая маленькая под этим огромным одеялом. Не шевелилась. Света не было. Я замер в дверях, чувствуя, как сердце ухнуло куда-то вниз. А потом она пошевелилась. Вздохнула. Живая.

Я поставил поднос на стол. Она не обернулась. Я смотрел на её спину, на волосы, рассыпанные по подушке, и ждал. Ждал, что она начнёт говорить.

— Можете уносить, — сказала она тихо, откашливаясь. Наверное, её горло совсем пересохло.

Я подошёл ближе.

— Что? — сказала она, приподнимаясь на локте и опуская ноги с кровати. — Ждете, когда я сдамся и начну умолять? Не дождетесь.

А после она попыталась встать и... упала в мои руки. Я не знаю, что я точно почувствовал. Не жалость, точно не жалость, скорее, силу, будто она хотела показать, что силы еще есть, что она не сдалась. Но она слишком ослабла. При ее комплекции, пять дней голодовки это много. Она инстинктивно уткнулась мне в грудь, и мы замерли. Я не хотела ее отпускать. Я чувствовал её сбитое дыхание и своё ускоренное сердцебиение, которые отдавало в ушах.

Я подхватил ее и опустил на кровать. Развернулся, взял кружку с бульоном и сел на край кровати — хотя не должен был. Поднёс ложку к её губам. Она отвернулась.

— Я сказала, что не буду... — она запротестовала.

Я замер. Ждал. Я мог бы уйти. Мог бы оставить её. Но я сидел и ждал, и она знала, что я никуда не уйду.

Она сделала глоток. Потом ещё. Я смотрел, как двигается её горло, как она пьёт, жадно, не контролируя себя. В ней что-то сломалось. Или, наоборот, начало собираться заново.

Когда кружка опустела наполовину, я отнял её. Нельзя много. Она слишком слаба. Я помню, как мама говорила: «Маленькими шажками, сынок, маленькими». А потом ее не стало, и я перестал быть ребенком.

Она откинулась на подушку, закрыла глаза. Я поставил кружку, зажёл свечу. Хотел уйти. Ноги не слушались. Я стоял у двери, смотрел на неё, на дрожащий огонёк, и ждал, что она скажет. Всё, что угодно.

— Спасибо, — прошептала она. — А вообще я просто не люблю кашу. Омлет и кофе. Кофе это прям обязательно.

Я вышел. Запер дверь. Спустился на первый этаж, сел на лестнице, уткнулся лицом в ладони и сидел так, пока свеча наверху не догорела. Я слышал, как она погасла. Как фитиль зашипел в лужице воска. Как тишина стала гуще.

Теперь я сижу в своей комнате, смотрю на руки и не знаю, что делать дальше.

Она назвала меня чудовищем. Чудовище.

Может, она права. Может, я и есть чудовище. Но чудовище не чувствует. Не сомневается. Не сидит ночью на лестнице, боясь, что девушка наверху не проснётся. Чудовище просто делает свою работу. А я... я не знаю, что я делаю.

Я знаю только, что завтра принесу ей завтрак. Нормальный завтрак. Омлет, тосты, кофе, — тот, который она попросила. У меня есть кофе. Я пью растворимый уже пять лет, потому что это быстро и не отвлекает. Но, наверное, я сделаю хороший кофе. С пенкой. Или что там кладут в хороший кофе. Корицы, правда, нет. Я запомнил. В досье это было. Объект пьёт латте с корицей каждый день.

И, может быть, сяду на край кровати. И буду смотреть, как она ест. И, может быть, в этот раз не уйду сразу. Может быть, я скажу что-нибудь. Скажу, чтобы она не боялась. Скажу, что не сделаю ей больно. Скажу, что она будет здесь недолго. Скажу, что я... что я не хотел, чтобы так вышло.

Я не знаю, смогу ли я это сказать. Я не знаю, смогу ли я вообще говорить. Я отвык. Я привык к тишине, к одиночеству, к тому, что слова — это лишнее. Но сейчас, когда я сижу в

этой холодной комнате и слушаю её дыхание за стеной, мне кажется, что молчать становится всё труднее.

Я ложусь на раскладушку, закрываю глаза. Завтра. Завтра я принесу ей завтрак. А сегодня... сегодня я просто буду слушать, как она дышит. Потому что этот звук — единственное, что удерживает меня от того, чтобы провалиться в ту самую тьму, которой я её пугал.

Я знаю, что это слабость. Я знаю, что нельзя. Я знаю, что завтра вернусь в свою комнату, сменю одежду, проверю замки и сделаю вид, что ничего не случилось. Я знаю все правила. Я сам их придумал.

Но сегодня, когда она упала, и я поймал её, и она смотрела на меня снизу вверх, и я чувствовал, как бьётся её сердце — так быстро, так близко, — сегодня я понял, что эти правила больше не работают.

Она не должна была быть такой. Не должна была смеяться в лицо страху. Не должна была отказываться от еды из принципа. Не должна была шептать «спасибо» человеку, который её похитил.

Я закрываю глаза и слушаю её дыхание. Оно ровное, спокойное. Она спит. Или делает вид. Она хорошо притворяется.

Я переворачиваюсь на бок, утыкаюсь лицом в подушку. Пахнет пылью и сыростью. И я ненавижу этот запах. Я ненавижу этот дом. Я ненавижу то, что делаю. Но больше всего я ненавижу то, что, когда она сказала «чудовище», я почти поверил.

Я хочу быть чудовищем. Потому что чудовище не чувствует.

А я чувствую. И это самое страшное.

Глава 10

Я не спал.

Всю ночь я просидел на кухне, прислонившись спиной к холодной плите, и смотрел, как за окном медленно светлеет небо. Серое, тяжёлое, оно наливалось молочным светом, и деревья проступали из темноты, как призраки.

Я сварил кофе. Не растворимый — тот, что привёз в банке с незнакомой маркой. Купил тогда, в супермаркете, когда закупал продукты. Не знаю зачем. Может, чтобы чувствовать себя человеком. Или чтобы потом выбросить, как всё остальное.

Я сварил его в старой медной турке с отбитой ручкой. Держал над пламенем, смотрел, как поднимается пенка. Пахло домом. Тем, которого у меня не было.

Я сделал омлет и добавил зелень, как она любит. Нарезал хлеб, бросил в тостер. Поставил всё на поднос. Бульон, кофе, омлет, масло, тост.

Стоял и смотрел на это, чувствуя, как внутри поднимается что-то, чему я не давал имени.

Я поднялся на второй этаж. Коридор был серым и холодным. Я открыл дверь.

Она сидела на кровати, обхватив колени руками, и смотрела на свечной огарок. Увидела меня — и замерла. Я поставил поднос на стол. Развернул стул, сел. Не на край кровати — не сегодня. Я держал дистанцию. Но я остался.

Она смотрела на меня. Ждала. Я знал, что она ждёт слов. Но я молчал. Не мог. Или не смел. Или знал, что, если открою рот, всё пойдёт не так.

— Ты принёс кофе, — сказала она.

Голос у неё был тихий. Она говорила негромко. А я молчал.

Она помедлила, потом взяла кружку. Подула, сделала глоток. Я видел, как дрожат её пальцы. Видел, как она держит кружку обеими руками, согревая ладони.

— Хороший, — сказала она. — Ты сам сварил?

Я кивнул.

Она посмотрела на омлет и тост. Взяла тарелку, откусила маленький кусочек. Потом ещё. Я смотрел, как она ест. Сначала медленно, осторожно, словно боялась, что желудок не примет. Потом быстрее, жадно, как вчера бульон.

Она съела всё. Омлет, тост с маслом, допила кофе до дна. Поставила кружку на поднос и подняла на меня глаза.

— Почему ты молчишь?

Я сидел неподвижно. Руки сжаты на коленях. Я смотрел на неё, но не отвечал.

— Вчера ты... — она запнулась. — Вчера, когда я упала, ты... ты поймал меня. Ты не сказал ни слова. Но ты был рядом. А теперь ты просто сидишь и смотришь.

Она говорила, а я слушал. Её голос — живой, даже сейчас, после всего, после голодовки, после темноты. Она говорила, чтобы заполнить тишину. Или чтобы пробить стену, между нами.

— Ты не хочешь говорить? — спросила она.

Я умел говорить на четырёх языках. Я умел убеждать, угрожать, задавать правильные вопросы. Но сейчас, глядя на неё — бледную, с острыми скулами, с синевой под глазами, в моих носках, которые сбились на пятках, — я не находил слов. Я не знал, что сказать, даже если осмелился бы. Или боялся слов и того, что могут привыкнуть к разговорам с ней.

— Ладно, — сказала она, и в голосе прорезалась та самая интонация, которую я уже знал. Упрямая. С вызовом. — Не хочешь — не говори. Я привыкла. Буду говорить за двоих. Как всегда.

Она откинулась на подушку, прикрыла глаза. Я думал, она уснёт. Но она заговорила снова, не открывая глаз:

— Ты вчера принёс бульон. Сегодня — омлет и кофе. Хороший кофе. Настоящий. Не из пакетика. Значит, ты умеешь готовить. Или, по крайней мере, не боишься плиты.

Она говорила тихо, будто сама с собой. Или будто знала, что я слушаю.

— Ты принёс мне носки. И куртку отдал, когда я вышла на крыльцо. Свечи зажигаешь каждый вечер. Хотя мог бы оставить меня в темноте.

Она замолчала. Я смотрел на её лицо — спокойное, расслабленное. Она ждала. Давала мне шанс.

Я не взял его.

— Ты странный похититель, — сказала она, открывая глаза. — У тебя всё не как у людей. Молчишь, кормишь завтраком, сидишь на стуле и смотришь, как я ем. Как будто я не пленница, а... не знаю. Гостя. Которая не в курсе, что она в плену.

Она усмехнулась. Слабо, едва заметно, но усмехнулась. И я почувствовал, как внутри что-то оборвалось. Или, наоборот, встало на место.

— El Silencioso, — сказала она. — Ты хоть знаешь, что это значит по-испански? «Молчаливый». Подходит тебе. Молчаливое чудовище.

Она помолчала, потом спросила:

— Ты испанец?

Я молчал. Как она поняла?

— Русский? — она прищурилась, разглядывая меня. — Нет, не похож. Хотя по глазам не поймёшь. Глаза у тебя светлые. Северные, наверное.

Она говорила, а я сидел и слушал. Впервые за эти дни мне не хотелось уходить. Я знал, что должен. Что нельзя оставаться. Что каждую минуту, проведённую здесь, я нарушаю правила. Но я сидел.

— Знаешь, — она повернулась на бок, подложив руку под щёку, и смотрела на меня в упор, — когда я была маленькой, я боялась темноты. Мама ставила мне ночник. Сначала розового зайчика, потом синюю сову. Я спала с ними до шестнадцати лет. Потом уже стеснялась, но всё равно оставляла свет в комнате.

Я слушал. Она рассказывала мне о себе. То, что я и так знал из досье. Но сейчас это звучало иначе. Не строчки в отчёте. Живой голос. Живая девочка, которая боялась темноты.

— А здесь ты приносишь свечи, — сказала она. — Каждый вечер. Я не знаю, зачем ты это делаешь. Может, чтобы я не сломалась. Может, чтобы не орала по ночам. Может... — она замолчала, и в её глазах мелькнуло что-то, чего я не смог прочитать.

Она не закончила. Отвернулась к стене, подтянула колени к груди.

Я не двинулся. Сидел, смотрел на её спину, на волосы, рассыпанные по подушке. Внутри всё сжалось. Я хотел сказать что-то.

Но я молчал.

Я встал, собрал поднос. У двери обернулся.

Запер дверь. Спустился на кухню, поставил посуду в раковину. Смотрел на остатки кофе на дне её кружки и чувствовал, как внутри нарастает что-то тяжёлое, невыносимое.

Вечером я снова принёс ужин. Суп, хлеб, чай. Свечу зажёл, как всегда. Она сидела на кровати, обхватив колени, и смотрела в окно. Увидела меня — кивнула. Молча.

Я поставил поднос. Она взяла ложку, начала есть. Я сел на стул у двери. Мы молчали. Она ела, я смотрел. Это стало нашим ритуалом. Тем, что не требовало слов.

Когда она доела, я встал, чтобы убрать поднос.

— Останься, — сказала она.

Я замер.

Она смотрела на меня. В её глазах не было страха. Только усталость и что-то ещё. Что-то, от чего у меня перехватило дыхание.

— Ненадолго, — добавила она. — Просто... посиди.

Я сел. Она откинулась на подушку, прикрыла глаза. Молчала. Я сидел, смотрел на огонёк свечи, слушал её дыхание.

— Расскажи что-нибудь, — сказала она.

Она вздохнула.

— Молчишь, — констатировала она. — Ладно. Тогда я расскажу. Ты не против?

Я покачал головой.

— Когда я была маленькой, у меня была няня. Старая, строгая. Она не разрешала мне смотреть телевизор после девяти. Но однажды она включила фильм про привидения. Сказала, что это комедия. Это была не комедия. Мне было пять лет, я смотрела на экран и не могла отвести глаз, хотя было страшно. А потом я не спала три ночи. Мама ругалась. Папа хотел уволить няню. Но я попросила её оставить. Потому что она научила меня... не знаю. Смотреть страху в лицо.

Она замолчала. Я смотрел на неё, на её руки, которые теребили край одеяла.

— Я не смотрела страху в лицо, — сказала она тихо. — Я просто заставила маму купить ночник и сплю с ним до сих пор.

Она повернулась ко мне, и в её глазах мелькнуло что-то, похожее на усмешку.

— А сейчас, знаешь, я почти не боюсь. Странно, да? Похищение, заброшенный дом, молчаливый тип в шарфе — а я не боюсь. Потому что ты... — она запнулась, подбирая слова. — Ты не причиняешь мне боль. Ты кормишь меня, зажигаешь свечи, дал носки. Ты спишь на стуле у моей двери, потому что боишься... правда не знаю чего. Я права?

Я смотрел на неё. Внутри всё сжалось. Она видела. Она понимала. И это было страшнее любых вопросов.

— Ты не чудовище, — сказала она тихо. — Чудовища не зажигают свечи.

Я встал. Слишком резко. Стул скрипнул по полу. Она вздрогнула, но не отвела взгляд.

— Прости, — сказала она. — Я не хотела... я просто...

Я взял поднос и вышел. Не оглядываясь. Запер дверь. Прислонился спиной к косяку и стоял так, чувствуя, как внутри всё переворачивается.

Она сказала, что я не чудовище.

Доброта это или глупость? Она жалеет меня и пытается понять? В этой ситуации, когда я ее похититель и она даже не знает, что ждет её дальше.

Но она сказала это. И я не мог выбросить эти слова из головы.

Я спустился вниз, поставил поднос, сел на лестнице. В доме было тихо. Только часы где-то отбивали время, да ветер гулял в трубе камина.

Я закрыл глаза и увидел её. Бледную, с острыми скулами, в моих носках. Она смотрела на меня и говорила: «Ты не чудовище».

Я не знал, правда ли это. Я не знал, кто я теперь.

Я знал только, что завтра снова принесу ей завтрак. И сяду на стул у двери. И буду молчать. Потому что, если я заговорю — я не смогу остановиться. А если я не смогу остановиться — я скажу ей то, что разрушит всё.

Я открою дверь.

Я назову своё имя.

Я скажу, что она не должна была оказаться здесь.

Я скажу, что мне жаль.

А этого нельзя. Это — конец. Не только для меня. Для неё тоже.

Я просто буду приносить еду, зажигать свет и сидеть, молча сидеть. И буду помнить, что я — тот, кто держит её здесь. И что у этого есть цена.

Я не знаю, кто заплатит её.

Но я знаю, что завтра утром я снова войду в её комнату. И снова увижу её глаза. И снова не скажу ни слова.

Потому что это единственное, что я ещё умею.

Глава 11

Следующие два дня слились в один. Я ела. Немного, без аппетита, но ела. Он приносил еду, забирал пустую посуду, зажигал свечу вечером и уходил. Всё молча.

Но что-то изменилось. Воздух между нами стал другим. Густым. Наэлектризованным.

Я больше не пыталась провоцировать его криками или угрозами. Я поняла: папин статус и деньги здесь не работают. Здесь, в этих каменных стенах, были только я и он. И мне нужно было понять, кто он такой, пока я не сошла с ума от одиночества.

В тот вечер на улице разыгралась гроза. Ветер завывал в каминной трубе, а старые ставни дребезжали так, будто кто-то ломился в них снаружи. Грозу я не любила почти так же сильно, как темноту.

Он вошел, когда ударил очередной раскат грома. Я сидела на кровати, сжавшись в комок, и вздрогнула от звука открываемой двери.

Он поставил ужин на стол. Чиркнул спичкой, зажигая свечу. Из-за сквозняка пламя метнулось, грозя погаснуть, и он прикрыл его ладонью — большой, сильной, с длинными пальцами. Я завороченно смотрела на эту руку.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Знаешь, почему я болтаю без умолку? — неожиданно для самой себя тихо сказала я.

Он остановился.

— Лина — моя подруга — говорит, что я заполняю эфир, потому что боюсь тишины. И она права. В тишине слишком много места для мыслей. А когда ты сидишь взаперти с немым похитителем, мысли лезут не самые приятные.

Он медленно обернулся. Я не отводила взгляд.

— Я знаю, что ты не немой, — продолжила я, чувствуя, как колотится сердце. — Я слышала, как ты говорил с тем человеком в машине, когда вы меня усыпили. Коротко, но ты говорил. Значит, ты молчишь специально. Для меня.

Я спустила ноги с кровати и встала. Колени уже не дрожали. Я сделала шаг к нему. Он не шелохнулся, только чуть приподнял подбородок.

— В фильмах злодеи всегда произносят длинные монологи. Объясняют, за что мстят, как долго вынашивали план, — я сделала еще один шаг. До него оставалось метра полтора. — А ты просто делаешь свою работу. Безупречный исполнитель. Идеальный солдат. Враг моего отца, кем бы он ни был, должно быть, хорошо тебе платит.

По его взгляду стало понятно, что я угадала. Это месть. Он удивился моей догадке. Об этом тоже сказал его взгляд.

Очередной удар грома сотряс дом, но ни он, ни я не дрогнули.

Я подошла вплотную. Так близко я еще не осмеливалась подходить с того момента, как упала в обморок. Я задрала голову, чтобы смотреть ему в глаза.

— Но я ловлю твои взгляды, — прошептала я. — Когда ты думаешь, что я сплю. Когда ты приносишь мне еду. Я вижу, как ты замираешь.

Его дыхание участилось. Я видела это по тому, как двигалась ткань его шарфа. Он возвышался надо мной, темный и опасный, но я почему-то больше не чувствовала первобытного страха. Я чувствовала притяжение. Неправильное. Больное.

— Кто ты? — выдохнула я, и моя рука, словно живя собственной жизнью, потянулась вверх.

Я не собиралась срывать шарф. Я знала, что он не позволит. Я просто хотела коснуться его.

Мои пальцы легли ему на грудь, прямо на плотную ткань толстовки.

Он вздрогнул. Резко, всем телом, будто я ударила его током. Под моей ладонью бешено, тяжело билось его сердце.

Он не отстранился. На секунду — одну бесконечно долгую секунду — его глаза потемнели, зрачки расширились, почти затопив светлую радужку. Он смотрел на мои губы, потом снова в глаза. В этом взгляде было что-то...желание, интерес...я не смогла разобрать.

Мне захотелось, чтобы он сорвал этот чертов платок. Прямо сейчас. Чтобы я увидела лицо того, кто украл меня для чужой мести.

Но он этого не сделал.

Его рука метнулась вверх. Жесткие пальцы обхватили мое запястье — не грубо, но так крепко, что вырваться было невозможно. Он медленно убрал мою руку от своей груди.

Дышал он тяжело. Между нами висело напряжение, такое, что воздух казался плотным, как вода.

Он смотрел на меня еще мгновение. Затем разжал пальцы, отпуская мою руку, круто развернулся и вышел из комнаты.

Дверь хлопнула с такой силой, что пламя свечи на столе истерично замигало и погасло.

Я осталась в темноте. Слушая раскаты грома и то, как колотится мое собственное пульсирующее от адреналина сердце.

Он не ненавидит меня. Я теперь это знала точно. Но от этого стало только страшнее. Потому что нельзя додумывать то, чего нет. А я, кажется, уже начала.

Глава 12

Прошла неделя. Семь дней, которые вымотали меня больше, чем месяцы в горячих точках.

Я стоял на крыльце заброшенного дома, вдыхая сырой после грозы воздух, и думал. Все последние дни мне только и оставалось думать. Надо уже признаться самому себе, что я тоже устал. От молчания, от неопределённости. Я устал считать дни, которые длились бесконечно и сливались в один. Я устал не меньше, чем она, а может даже и больше.

В кармане куртки завибрировал телефон — защищенный, одноразовый. Сообщение от Заказчика. Всего два слова: «Сроки сдвигаются».

Я сжал аппарат так, что пластик хрустнул.

Изначально речь шла о десяти днях. Забрать девчонку. Спрятать. Ждать, пока ее отец, Серхио Белинский, не сойдет с ума от ужаса и не подпишет нужные бумаги, отдавая то, что у него требовали. Моя работа — просто держать ее здесь. Изолировать. Быть тенью, исполнителем, безликим винтиком в чужой вендетте.

Я никогда не задавал вопросов. Никогда не нарушал правил. Первое правило: не смотреть объекту в глаза. Второе: не слушать. Третье: не воспринимать объект как человека. Это товар. Инструмент давления. Ничего больше.

Но с этой девчонкой всё пошло не так с первой же минуты.

Она — сбой в матрице, который заставил меня импровизировать и делать то, что я никогда ни для кого не делал.

Она сводила меня с ума. Своей болтовней, своим упрямством, своим неуместным, почти отчаянным бесстрашием. Вчера она прикоснулась ко мне. Положила ладонь на грудь, прямо туда, где под ребрами колотилось сердце, предавшее меня с потрохами. Если бы я не ушел тогда, если бы остался хоть на секунду дольше... я бы сорвал этот чертов платок. Я бы заговорил с ней. И это стало бы концом.

Я потер лицо руками, чувствуя грубую ткань маски. Снимать ее нельзя. Пока она не видит моего лица и не слышит голоса — она в безопасности.

Я вернулся в дом. Половицы скрипели под тяжелыми ботинками. Я подошел к своей спортивной сумке, брошенной в углу моей так называемой комнаты, и расстегнул молнию. Достал чистую черную футболку, толстый серый свитер крупной вязки и спортивные штаны. Свои вещи.

Она уже неделю мерзла в этой тонкой шелковой блузке и узкой юбке, которая задиралась каждый раз, когда она садилась на кровать. Я старался не смотреть на ее голые колени, на синяк, который расцвел на бедре после того, как она упала в первый день. Или после того, как мои люди швырнули её на сиденье машины на той заправке.

Я взял вещи и подошёл к её двери. Ключ привычно щёлкнул в замке.

Она сидела на кровати, подтянув колени к подбородку, и мелко дрожала. В комнате было прохладно, сырость старого камня пробирала до костей. Услышав шаги, она подняла голову. В её глазах, несмотря на усталость, всё ещё горел этот упрямый, раздражающий и восхитительный свет.

Я подошёл и молча положил стопку одежды на край матраса.

Она посмотрела на чёрную футболку, на серый свитер крупной вязки и спортивные штаны. Потом перевела взгляд на меня.

— Это... мне? — её голос дрогнул, растеряв привычную саркастичную броню.

Я коротко кивнул. Развернулся спиной к ней, скрестил руки на груди и уставился в глухую стену. Это был предел моей вежливости. Я давал ей личное пространство, хотя по протоколу не должен был отворачиваться.

За спиной раздался шорох. Шуршание тонкого шёлка её блузки, тихий стук пуговиц, звук скользящей по коже ткани. Каждый звук бил по натянутым нервам. Я закрыл глаза под маской, стиснув челюсти так, что заболели зубы. Она — объект. Инструмент. Товар, который я должен сберечь в целостности до приказа. К ней нельзя привыкать. Нельзя реагировать на неё.

— Я всё, — тихо сказала она.

Я обернулся. И замер, чувствуя, как в груди что-то с грохотом обрывается.

Мой свитер был на ней просто огромным. Плечевые швы сползли почти к локтям, открывая хрупкие ключицы и бледную шею. Длинные рукава полностью скрывали её кисти, и она неловко пыталась их закатать. Штаны пришлось завязать на шнурок тугим узлом на талии, и всё равно они собирались складками у её босых ног.

Вся её идеальность наследницы многомиллионной империи, весь этот лоск дорогой одежды и надменной уверенности — всё исчезло. В моих вещах она вдруг стала похожа на маленькую, потерянную девочку. Хрупкую. Тонкую. До боли настоящую.

Она подняла на меня глаза из-под растрёпанных волос.

— Спасибо, — прошептала она, кутаясь в воротник моего свитера. — Он пахнет... тобой. Дымом. И чем-то... горьким, — она запнулась, опуская взгляд, словно испугалась собственной откровенности. — Как полынь или мокрый лес. Я не знаю.

Слова ударили под дых. Это прозвучало слишком лично. Слишком интимно для этой пустой, сырой комнаты, где наемник держит свой трофей.

Я смотрел, как она утопает в моей одежде. Ворот свитера сполз, обнажая острую, хрупкую ключицу. Она переминалась с ноги на ногу, неловко пытаясь подвернуть слишком длинные рукава, чтобы освободить кисти рук. Она выглядела такой беззащитной, что у меня на мгновение свело челюсти.

Она всё возилась с рукавами, но тяжелая, грубая вязка не слушалась — ткань раз за разом соскальзывала вниз, пряча её тонкие пальцы. Она тихонько, раздраженно выдохнула.

И я не выдержал.

Мозг кричал, что это ошибка. Что каждое лишнее движение сокращает дистанцию, которую я обязан сохранять. Но тело двигалось само по себе. Я шагнул к ней.

Она резко вскинула голову, замерев, как испуганная птица, но не отстранилась. Я остановился вплотную. Протянул руки и взялся за край правого рукава. Мои пальцы, загрубевшие от оружия, холода и чужой крови, случайно коснулись её кожи на запястье. Она была невероятно теплой. И пульс под моей рукой бился так отчаянно и быстро, что это передалось и мне.

Я медленно, методично закатал рукав до локтя. Затем перешел ко второму. Я смотрел только на свои руки и серую ткань, потому что знал: если подниму глаза и встречу с её взглядом — я пропал.

Её дыхание касалось моего подбородка. Она стояла так тихо, что я слышал, как бьется её сердце.

«Скажи хоть слово», — пронеслось в голове. Слова жгли горло изнутри. Мне до одури хотелось сказать ей: «Не бойся меня. Я не причиню тебе вред». Мне хотелось объяснить, что всё это — просто заказ, просто бизнес, в котором она оказалась разменной монетой. Но в нашем мире за такие разговоры платят жизнью или чем-то ещё, как в моем случае. Так что пока я молчу, пока я для неё безликий монстр в маске — она свидетель, который ничего не знает. А значит, у неё есть шанс забыть этот дом и меня, как страшный сон и жить свою идеальную жизнь дальше.

Я закончил со вторым рукавом. Мои пальцы задержались на её предплечье на долю секунды дольше, чем было нужно.

Я заставил себя поднять глаза.

Она смотрела на меня. В этих глазах больше не было того злого, колючего сарказма первых дней. Там было что-то глубокое и уязвимое. Она пыталась разгадать меня. Пыталась найти человека под этой черной тканью. И, наверное, она его находила.

Прошла неделя. Семь гребаных дней в этой каменной тюрьме. Теперь я стал ощущать этот дом так же, как она. Заказчик обещал, что всё решится за десять суток. Но сегодня пришло это сообщение. Сроки сдвигаются. На сколько? На пару дней? На неделю? На месяц?

Я понял с пугающей ясностью: я не продержусь месяц.

Если я буду каждый день видеть, как она спит, как она ест, как она носит мою одежду и смотрит на меня так, словно я её единственный якорь в этом кошмаре... я сломаюсь. Я перестану быть исполнителем. Я забуду о приказе.

Я резко отпустил её руки. Сделал шаг назад, будто от огня, возвращаясь в свою ледяную, безопасную броню.

— Спасибо, — снова сорвалось с её губ, едва слышно.

Я не кивнул. Я развернулся и почти выбежал из комнаты, захлопнув за собой тяжелую дубовую дверь.

Щелчок поворачиваемого ключа прозвучал в тишине коридора как выстрел.

Я привалился спиной к холодной стене и закрыл глаза, тяжело, рвано дыша. Грудь сдавило так, словно на неё положили бетонную плиту. Я потерял шею, чувствуя, как под кожей бьется собственный бешеный пульс.

Объект. Она — просто объект.

Я повторил это про себя, как мантру, но слова рассыпались в пыль. Перед глазами стоял её образ в моем безразмерном свитере. Маленькая девочка, которую мне поручили охранять.

Сроки сдвигаются. Дело затягивается. И стоя здесь, в темноте заброшенного особняка, я впервые в жизни осознал ужасающую вещь.

Самой большой угрозой для неё становился я сам.

Глава 13

Я проснулась от того, что затекла шея. Одеядо сползло, но мне не было холодно — огромный серый свитер грел лучше любой батарее. И пах он всё так же: горько, тревожно и до одури надежно.

В комнате стояла кромешная темнота. Свеча давно догорела. Я села на кровати, поежилась и в тишине уловила странный звук. Ровное, глубокое дыхание. Но доносилось оно не с улицы. Оно было прямо за моей дверью.

Я спустила ноги на ледяной пол. Подошла к массивной дубовой двери и прижалась к ней ухом. Точно. Кто-то спал по ту сторону.

Моя рука машинально легла на кованую ручку. Я просто хотела проверить. Привычка дергать запертые двери, чтобы лишний раз убедиться в своей беспомощности. Я нажала.

Раздался тихий щелчок. Ручка поддалась до самого конца. Дверь со скрипом приоткрылась.

Я замерла, не дыша. Мое сердце, казалось, остановилось, а потом забилося где-то в горле. Не заперто? Серьезно?

Я чуть толкнула дверь и выглянула в щель. В коридоре горел тусклый свет от керосиновой лампы, стоявшей на полу. А рядом с ней, на жестком деревянном стуле, привалившись спиной к стене, спал мой похититель. Голова запрокинута, руки скрещены на груди. Даже во сне он не снял свой проклятый черный платок.

«Премия Охранник года уходит парню в черном, — пронеслось в голове с истеричной иронией. — Сервис на грани фантастики: вас похитят, оденут в уютный свитер и забудут запереть на ночь. Идеально».

Разум кричал: «Закрой дверь и ложись спать». Тело было слабым после нескольких дней полу голодовки. Но гордость Белинских, та самая, что заставляла отца идти напролом там, где другие сдавались, взбунтовалась.

Я проскользнула в коридор. Мои ступни бесшумно ступали по пыльным доскам. Я прошла мимо него так близко, что могла бы дотронуться до его плеча. Он даже не шелохнулся.

Коридор вывел меня к массивной лестнице, а затем — к задней двери. Она была заперта на простой засов. Я отодвинула его, стараясь не шуметь, и шагнула в ночь.

Холод ударил наотмашь. Земля после недавней грозы была мокрой, склизкой и ледяной. Я не знала, куда идти. Вокруг стоял густой, черный лес. Ни огня, ни дороги, ни звука машин. Только шум ветра в кронах.

Я побежала.

Сначала это было похоже на освобождение. Но через сто метров эйфория закончилась. Ветки хлестали по лицу, полы длинного свитера цеплялись за кусты. А ноги Боже, мои ноги. Острые камни, сухие сучья, колючки — всё это впивалось в ступни. Носки не спасали. Я прикусывала губу до крови, чтобы не закричать, и продолжала идти.

Я должна выбраться. Я найду дорогу. Я позвоню отцу.

Мысли путались. Голод давал о себе знать — перед глазами плыли черные круги, дыхание сбивалось, переходя в хрип. Я не знала, сколько прошло времени. Минут двадцать? Полчаса? Дом давно скрылся из виду. Лес становился всё гуще, всё темнее.

Я споткнулась о какой-то корень. Попыталась удержать равновесие, но земля вдруг ушла из-под ног.

Это был овраг. Крутой, размытый дождем склон.

Я полетела вниз, кувыркаясь в грязи, ударяясь о корни и камни. Боль прошла бок, плечо, колено. Я покатила на самое дно и ударила головой обо что-то твердое.

В глазах вспыхнули искры.

«Идеальный план, Анж, — мелькнула последняя саркастичная мысль, пока сознание меркло. — Вырваться из плена, чтобы умереть в канаве от переохлаждения. Лина будет в восторге от этой истории»

А потом темнота поглотила меня целиком.

Глава 14

Я проснулся от того, что по ногам потянуло ледяным сквозняком.

Шея затекла от неудобной позы на стуле. Я открыл глаза, моргнул, привыкая к тусклому свету керосиновой лампы. Перевел взгляд на её дверь.

Она была приоткрыта.

В первую секунду я ничего не почувствовал. Мозг просто отказался обрабатывать информацию. А потом адреналин ударил в кровь так мощно, что меня подбросило со стула.

Я рванул дверь на себя. Пусто. Кровать смята, одеяло сброшено на пол.

— Твою мать, — выдохнул я хрипло.

Я бросился по коридору, слетел по лестнице. Задняя дверь была приоткрыта.

Я выскочил на крыльцо. Черный, глухой лес равнодушно шумел кронами. Градусник на стене показывал плюс пять.

Она ушла. Слабая, голодная, не знающая местности городская девчонка ушла в ночной лес.

Паника, которую я не испытывал с тех пор, как был зеленым новобранцем под пулями, сдавила горло железными тисками. Я вернулся в дом, схватил мощный фонарь, аптечку и бросился в чашу.

Я искал её два часа.

Два гребаных, бесконечных часа я метался по лесу, как загнанный зверь. Я выхватывал лучом фонаря сломанные ветки, примятую траву и следы. Маленькие следы в грязи. Иногда на листьях оставались капли крови. От этого вида у меня темнело в глазах.

Я знал этот лес. Знал, что здесь водятся дикие собаки. Знал, что здесь полно обрывов и старых капканов. Если с ней что-то случится Если она замерзнет

Я думал, что я профессионал. Думал, что контролирую ситуацию. Но пока я прочесывал лес, до боли вслушиваясь в каждый шорох, я понял одну страшную вещь.

Она не сломалась. Ее не сломали ни похищение, ни голод, ни страх, ни запертая дверь. Она пошла на верную смерть ради своей свободы.

Этот побег сломал меня.

Раскрошил в пыль всю мою отстраненность. Я больше не боялся сорвать контракт. Я боялся только одного — не успеть. Найти её мертвой.

Я нашел её на дне оврага.

Луч фонаря выхватил из темноты серое пятно моего свитера на фоне черной грязи. Она лежала на боку, неестественно подвернув ногу, без сознания. Бледная как мел. Лицо испачкано землей, волосы спутались.

Я съехал по скользкому склону вниз, падая на колени рядом с ней. Сорвал перчатку, дрожащими пальцами нащупал пульс на её шее.

Бьется. Слабо, медленно, но бьется.

Она была ледяной. Я осторожно подхватил её на руки, прижимая к себе так крепко, словно пытался отдать ей собственное тепло. Она даже не застонала. Она ничего не весила в моих руках. Маленькая, упрямая катастрофа.

Я вынес её из леса и принес в дом. Но понес не вверх, не в ту холодную, каменную камеру. К черту правила. К черту заказчика.

Я занес её в главную гостиную на первом этаже. Здесь был огромный диван и старый камин. Я положил её на мягкие подушки, схватил плед, укутал. Потом бросился к камину, разжигая дрова. Огонь занялся быстро, отбрасывая теплые блики на её бледное лицо.

Я принес таз с теплой водой и аптечку. Опустился перед диваном на колени

Её ноги представляли собой жуткое зрелище. Истертые в кровь, в царапинах, синяках и грязи. Я стиснул зубы. Аккуратно, стараясь почти не дышать, я начал смывать грязь теплой водой.

Она слабо поморщилась во сне, когда я коснулся глубокой царапины на голени.

— Тише, — прошептал я. Голос сорвался, прозвучал хрипло и непривычно громко в тишине гостиной. — Я здесь. Тише.

Я вытер её ноги мягким полотенцем и открыл тюбик с заживляющей мазью. Мои большие, грубые пальцы осторожно втирали мазь в её израненную кожу. Каждое её вздрагивание отзывалось во мне тупой болью под ребрами.

Она открыла глаза, когда я накладывал пластырь на последнюю ссадину.

Взгляд мутный, расфокусированный. Она посмотрела на огонь в камине, потом перевела взгляд на меня. На мои руки, бережно держащие её ступню. На мой черный платок, освещенный пламенем.

Она не закричала. Не отдернула ногу. Только слабо, горько усмехнулась потрескавшимися губами.

— Я не смогла убежать, да? — прошептала она едва слышно.

Я молча покачал головой. Аккуратно положил её ноги на диван, укрыл пледом поверх моего свитера. Потом сел прямо на пол, прислонившись спиной к креслу, и остался смотреть на нее.

Дверь её комнаты на втором этаже так и осталась открытой. И я знал, что больше никогда не поверну в ней ключ.

Глава 15

Я смотрела, как он сидит на полу у дивана, прислонившись спиной к креслу. В отсветах пламени камина его фигура казалась высеченной из темного камня. Огромный, опасный человек с лицом, скрытым черной тканью. Мой похититель. Тот, от кого я бежала в кромешную тьму, сбивая ноги в кровь.

И тот, кто только что отмывал эти самые ноги от грязи с такой бережностью, будто я хрустальная.

Боль в лодыжке и ссадинах пульсировала в такт сердцу, но это было ничто по сравнению с тем ледяным холодом, который поселился где-то глубоко внутри, в самых костях. Меня начало трясти. Сначала мелкой дрожью, а потом так, что зубы стали выбивать неровную дробь.

Я натянула плед до самого подбородка, пытаюсь сжаться в комок под безразмерным серым свитером.

Он мгновенно уловил движение. Поднял голову. Его светлые глаза сквозь прорезь маски сузились. Он бесшумно поднялся, подошел к камину и подбросил еще поленьев, а затем шагнул ко мне.

Стянув с кресла еще одно шерстяное одеяло, он набросил его поверх пледа и подоткнул края, создавая кокон.

— Т-ты... забыл з-запереть д-дверь, — выдавила я сквозь стучащие зубы. Голос был жалким, сиплым, но я не могла остановиться. Ирония была моей единственной защитой от подступающей паники. — Эт-то непрофессионально. Т-твой босс вычтет у тебя из з-зарплаты.

Он замер, нависая надо мной. Его руки все еще опирались на спинку дивана по обе стороны от моих плеч. В глазах мелькнуло что-то темное, тяжелое. Он не ответил на шутку. Вместо этого он снял свою куртку — ту самую, в которой всегда ходил, — и бросил ее поверх моих одеял. Куртка была тяжелой и пахла им: лесом и мужской кожей.

Тепло никак не приходило. Лихорадка накатывала волнами, перед глазами всё плыло.

Я попыталась вытащить руку из-под завалов ткани, чтобы потереть лицо, но пальцы не слушались. Он перехватил мою кисть. Его ладонь была горячей. Он просто держал мою ледяную руку в своей, не сжимая, но и не отпуская.

— Я д-думала, что умру там, в овраге, — прошептала я, закрывая глаза. Сопротивляться его близости больше не было сил. — Почему ты... пошел за мной? Я же т-твой заложник. Просто вещь.

В комнате было слышно только треск поленьев и мое прерывистое дыхание. Я думала, он снова промолчит, как делал это всю последнюю неделю.

Но его пальцы чуть крепче сжали мою ладонь.

— Не вещь, — голос прозвучал так тихо и хрипло, будто он разрывал горло каждым звуком. Он словно отвык говорить. Низкий, вибрирующий тембр проник под кожу, заставляя сердце пропустить удар.

Я распахнула глаза. Он смотрел прямо на меня. Расстояние между нами было ничтожным. Если бы я подняла руку, я могла бы коснуться края его маски.

— Тогда к-кто? — мой шепот сорвался.

Он не ответил. Он смотрел на мои лихорадочно блестящие глаза, на бледные губы, а потом медленно высвободил свою руку. От этого движения мне вдруг стало невыносимо пусто. Он развернулся и быстро ушел на кухню.

Вернулся он с кружкой, от которой шел пар. Сел на край дивана, приподнял меня за плечи, легко, как куклу, и поднес кружку к моим губам.

Горячий чай с травами обжег горло, но я сделала несколько глотков, послушно опираясь на его сильную руку. Меня колотило так, что половина чая пролилась бы, если бы он не придерживал кружку.

Когда я откинулась обратно на подушки, перед глазами всё закружилось в безумном хороводе. Тени на стенах стали удлиняться. Жар сменил озноб, и теперь мне казалось, что я горю изнутри.

— Мне... жарко, — пробормотала я, пытаюсь скинуть тяжелую куртку.

Он мягко, но непреклонно вернул ее на место.

Последнее, что я помню перед тем, как провалиться — это холодная, влажная ткань, которая легла мне на лоб, и его глаза, в которых был чистый, неприкрытый страх или я это себе придумала. Может мне даже померещилось в этом бреде, что он говорил со мной. Всего пару слов, но он наконец заговорил со мной. Будет ли он теперь говорить или это проявление жалости перед моим состоянием? Я не знала.

Я горела.

Сознание то проваливалось в черную, вязкую пустоту, то выныривало на поверхность, хватая рваные куски реальности. Огонь в камине плясал перед глазами, отбрасывая на стены чудовищные тени. Мне казалось, что я снова в лесу, что корни деревьев оплетают мои ноги, утягивая в холодную землю, а где-то сверху воет ветер.

— Папа... — шептали мои пересохшие губы. — Папа, я здесь...

Я тянула руки к темному силуэту, который мерещился в углу комнаты, но каждый раз холодная, тяжелая ладонь перехватывала мои запястья и мягко возвращала обратно под одеяло.

— Тихо, — голос звучал откуда-то издалека. Низкий, хриплый, незнакомый. — Тихо.

Я не верила. Я пыталась вырваться, бормотала что-то бессвязное о Лине, о Дэне, о том, что в торговом центре меня ждут и что я опоздала. Иногда мне казалось, что я дома, в своей кровати, и что вся эта история — просто кошмар. Но запах дыма, сырого камня и горькой полыни возвращал меня обратно.

В один из моментов просветления я открыла глаза и увидела его. Он сидел на полу рядом с диваном, положив голову на скрещенные руки прямо на краешек подушки. Даже сквозь муть лихорадки я заметила, что его обычная черная толстовка сменилась простой серой футболкой с длинным рукавом. А на коленях у него лежала раскрытая книга. Он читал?

Я не помнила. Может, мне почудилось. Может, это был бред.

Но его рука, которая сжимала мою, была настоящей. Теплой. Живой.

Я снова провалилась в темноту, чувствуя, как его большой палец медленно, гладит мои костяшки.

Глава 16

Я лежала на диване в гостиной, закутанная в пледы, как гусеница в кокон, и смотрела в потолок. Лихорадка отступила, оставив после себя только слабость и странную, почти невесомую ясность в голове. За окном впервые за долгое время светило солнце — настоящее, весеннее, пробивающееся сквозь мутные стекла веранды.

Он сидел в кресле у камина и чистил свой бесконечный пистолет. В черной толстовке, в неизменной маске, закрывающей половину лица. Молчал. Как всегда.

Я перевела взгляд с потолка на него и вдруг подумала: а чего я, собственно, добилась за эти недели? Побег провалился. Голодовка чуть не убила меня. Истерики и уговоры не работают. Он по-прежнему молчит, по-прежнему носит эту дурацкую тряпку на лице, по-прежнему держит меня здесь.

Но он спас меня в лесу.

Он отмывал мои ноги от грязи, когда я валялась без сознания. Он сидел у моей постели, пока я горела в лихорадке. Он приносил мне бульон и чай, менял компрессы, укрывал пледами. Он заботился обо мне так, как не заботился никто и никогда — без лишних слов, без ожидания благодарности, просто потому что... потому что он так решил.

Он не железный. Он мужчина. И он явно ко мне равнодушен, как бы ни пытался это скрыть за своей каменной физиономией и чертовой маской.

И тут меня осенило.

Я — Анжелика Белинская. Наследница многомиллионной империи. Девушка, которая с четырнадцати лет вертит взрослыми мужчинами на светских приемах так, как хочет. Ну, ладно, не вертит, но я умею очаровывать. Умею улыбаться так, что официанты забывают, зачем подошли. Умею смеяться так, что даже угрюмый Дэн однажды улыбнулся.

Почему я раньше не подумала об этом?

Я не могу сбежать. Не могу договориться. Не могу запугать его папиными связями. Но я могу его влюбить.

Гениально. Просто и гениально.

Он влюбится, растает, как масло на солнце, и сам отпустит. А если не отпустит, то хотя бы перестанет быть таким непробиваемым и, может быть, начнет говорить. Или даже снимет маску. Или... ну, что там делают влюбленные похитители? Дарят цветы? Везут в Париж?

Я почти засмеялась вслух, представляя его с букетом ромашек и в этой его черной маске. Картина была та еще.

Так. План. Мне нужен план соблазнения.

Я приподнялась на локте, стараясь выглядеть одновременно слабой, загадочной и соблазнительной. Плед сполз с плеча, открывая изрядный кусок ключицы и лямку его же собственной футболки, которую я носила под свитером. Я попыталась принять элегантную позу, но локоть предательски подогнулся, и я шлепнулась обратно на подушку, больно ударившись затылком о подлокотник.

Он поднял глаза от пистолета. В его взгляде читалось что-то среднее между «ты в порядке?» и «что за цирк?».

— Все отлично! — просипела я, потирая затылок. — Просто... растяжка. Для тонуса.

Он моргнул. Медленно, как кот, который смотрит на глупого мотылька. И вернулся к своему пистолету.

Отлично, Анж. Просто блестящее начало. Ты провалилась, даже не успев начать. Соблазнительница года.

Я поправила волосы, которые после болезни превратились в воронье гнездо, и решила зайти с другой стороны. Мужчины любят, когда их хвалят. Это же база.

— Знаешь, — сказала я, глядя в потолок, — у тебя очень красивые руки.

Тишина. Я покосилась на него. Он даже не шелохнулся.

— Серьезно, — продолжила я с энтузиазмом. — Такие сильные, жилистые. И пальцы длинные. Наверное, на пианино играешь? Или на гитаре? У всех брутальных молчаливых парней в душе живет романтик с гитарой. Я угадала?

Ноль реакции. Только едва заметное движение плеч — то ли вздох, то ли смешок, подавленный в зародыше.

— Ну и ладно, — пробормотала я. — Молчи. Я все равно знаю, что ты не безнадёжен. Ты варишь отличный кофе. А мужчина, который умеет варить кофе, не может быть совсем пропащим.

Я заметила, как его пальцы на мгновение замерли на затворе пистолета. Всего на секунду, но я заметила.

Прогресс. Микроскопический, но прогресс.

Я решила, что на сегодня хватит. Нельзя перегружать объект. Соблазнение — это марафон, а не спринт. Так Лина говорила. Правда, Лина говорила это про парня из кофейни, который в итоге оказался геем, но суть верная.

Я укуталась в плед, повернулась на бок и закрыла глаза, чувствуя, как уголки губ сами ползут вверх.

Ничего, El Silencioso. Ты еще не знаешь, с кем связался. Я тебя растоплю, и медленно, но, верно, ты из молчаливого чудовища, прячущего свое лицо, превратишься в прекрасного принца вернее, в похитителя.

Глава 17

Она что-то задумала.

Я чувствовал это. После того как лихорадка отпустила, Анжелика изменилась. Она больше не пыталась сбежать, не закатывала истерику, не объявляла голодовок. Она стала... странной.

Сначала я списывал это на слабость после болезни. Но сегодня, когда она вдруг заявила, что у меня красивые руки, и начала расспрашивать про пианино, я едва не поперхнулся.

Красивые руки? У меня? У человека, который зарабатывает на жизнь тем, что держит в этих руках оружие?

Я сидел с пистолетом и делал вид, что полностью поглощен чисткой. На самом деле я лихорадочно анализировал ее поведение за последние дни.

Вчера за ужином она вдруг спросила, не одиноко ли мне здесь одному. Позавчера — долго и пристально смотрела на меня, а когда я поднял глаза, отвела взгляд и начала поправлять волосы. Сегодня утром она вышла из ванной в моей футболке, которая едва прикрывала бедра, и сделала вид, что не заметила, как я подавился кофе.

Она пытается меня соблазнить.

Я понял это не сразу. Сначала подумал — последствия лихорадки. Потом — очередная странность избалованной девицы. Но когда она начала цитировать какие-то явно заготовленные комплименты про «сильные руки» и «загадочный взгляд», до меня дошло.

Она решила, что раз не может сбежать силой, то сбежит через мое сердце. Или что там у меня вместо сердца.

Я должен был рассердиться. Должен был пресечь это немедленно. Поставить ее на место, напомнить, кто здесь главный.

Но вместо этого я почувствовал, как где-то глубоко внутри, в той части меня, которую я считал давно умершей, зарождается смех.

Она была до ужаса неуклюжей в своих попытках. Когда она пыталась принять «соблазнительную позу» на диване, то грохнулась с такой силой, что я испугался за ее многострадальный затылок. Когда она «случайно» оголила плечо, то запуталась в воротнике свитера и чуть не задушила себя. Когда она попыталась игриво накручивать прядь волос на палец, волосы застряли в ее же сережке, и она полминуты молча сражалась с ними, думая, что я не вижу.

Я видел. И мне стоило невероятных усилий не рассмеяться.

Я, Марк, человек, который не смеялся уже... я даже не помню сколько лет. Человек, который прошел через ад, который видел такое, от чего нормальные люди сидят за ночь. И вот я сижу в заброшенном особняке, смотрю на девчонку, которая пытается меня соблазнить с грацией пьяного фламिंगо, и давлу в себе смех, как школьник на уроке.

Это неправильно. Это опасно. Это разрушает все, что я строил годами.

Но когда она сегодня утром, поежившись от утренней прохлады, пробормотала: «Знаешь, а ты мог бы меня согреть. Чисто в медицинских целях. Профилактика простуды», — я не выдержал.

— Замерзла — возьми второе одеяло, — сказал я.

Сказал. Вслух. Голосом.

Она замерла с открытым ртом, уставившись на меня так, будто я только что заговорил на древнегреческом. А потом ее лицо озарилось такой торжествующей улыбкой, что у меня сжалось в груди.

— Ты заговорил! — выдохнула она. — Я же говорила! Я знала, что ты не немой!

Она не помнила, что я говорил с ней, пока она бредила. Я тут же отвернулся, ругая себя последними словами. Идиот. Зачем я открыл рот? Теперь она не отстанет.

И действительно, следующие два дня она не отставала.

— Скажи что-нибудь еще, — взмолилась она за завтраком. — Пожалуйста. Всего одно слово. Хоть «параллелепипед».

— Кофе готов, — глухо отозвался я, ставя перед ней кружку.

Она просияла так, будто я подарил ей весь мир.

— Целых два слова! Прогресс!

Я мысленно закатил глаза. Параллелепипед. Из всех слов на свете Это была ошибка. Первая трещина в стене молчания. Огромная, непростительная. И я ничего не мог с собой поделать.

Вечером того же дня, когда я вошел в гостиную с подносом, она стояла посреди комнаты в моей толстовке, завязанной узлом на талии, и пыталась изобразить что-то похожее на танец. Увидев меня, она замерла, покраснела до корней волос и пробормотала:

— Это... йога. Очень полезно для спины.

— Похоже на конвульсии, — сказал я, ставя поднос.

Она ахнула:

— Ты!.. Ты сейчас пошутил? Ты умеешь шутить?!

Я молча вышел из комнаты, оставив ее с открытым ртом. В коридоре я прислонился к стене и, убедившись, что она не слышит, тихо, почти беззвучно рассмеялся. Впервые за черт знает сколько времени.

Она сводит меня с ума.

Прошло больше двух недель. Две недели с того дня, как я получил последнее сообщение от Заказчика. «Сроки сдвигаются». И тишина. Я проверял телефон каждый день, но экран оставался пустым. Ни звонков, ни координат, ни инструкций.

Это ненормально. Заказчик не тот человек, который бросает дела на полпути. Что-то пошло не так. Или он выжидает. Или... я не знал, что думать.

Но с каждым днем тишины я все больше привыкал к этому дому. К этому ритму. К ней.

Она перестала быть объектом. Она стала... человеком. Смешным, нелепым, упрямым человеком, который каждое утро встречает меня улыбкой и очередной неловкой попыткой флирта.

С одной стороны, я ждал звонка, а с другой — начинал его бояться.

Но пока я просто жил. Варил кофе. Слушал ее болтовню. И иногда, очень редко, позволял себе ответить. Одно слово. Два. Не больше.

Маска оставалась на месте. Имя — при мне.

Глава 18

На следующее утро я проснулась с твердым намерением перейти ко второму этапу операции «Растопить айсберг». Первый этап — комплименты и загадочные взгляды — дал определенные плоды: он заговорил. Всего несколько слов, но для человека, который молчал две недели, — это была оглушительная победа.

Теперь нужно было углубить контакт. Заставить его видеть во мне не просто «объект», а женщину. Живую, привлекательную, неотразимую. Ту, ради которой хочется нарушить все правила, сорвать чертову маску и, может быть, даже отпустить на все четыре стороны.

Я села на диване, потянулась и критически осмотрела свой «арсенал соблазнения». Серый свитер крупной вязки, который был мне до середины бедра. Черная футболка под ним, которая давно потеряла форму и теперь висела мешком. Спортивные штаны, затянутые на талии узлом, потому что иначе они бы свалились к щиколоткам. Волосы — воронье гнездо, лицо бледное, под глазами синяки от болезни.

Красотка.

Я вздохнула и поплелась в ванную. Умылась ледяной водой, долго терла щеки, чтобы появился хоть какой-то румянец. Расчесала волосы пальцами — расчески у меня не было, пришлось импровизировать. Посмотрела в маленькое мутное зеркало над раковиной. Ну, хоть не зомби.

Когда я вышла в гостиную, он уже стоял у плиты. Варил кофе. Без куртки, в одной черной футболке с длинным рукавом, которая обтягивала широкие плечи и спину. Я на мгновение засмотрелась на то, как двигаются мышцы под тканью, когда он поднимает турку.

«Соберись, Анж, — одернула я себя. — Думай о плане. Ты играешь роль. Не пялся на него как голодная кошка на сметану».

— Доброе утро, — пропела я, усаживаясь за стол и стараясь принять самую непринужденную позу. Получилось что-то среднее между «я вся такая загадочная» и «у меня затекла спина».

Он не обернулся. Только кивнул — едва заметно, одними плечами.

— Как спалось? — продолжала я светскую беседу. — Мне, например, отлично. Снилось море. И чайки. И огромный круассан с шоколадом. Проснулась — ни моря, ни круассана. Одно разочарование. Но кофе пахнет божественно, так что я готова простить этому дню всё.

Он поставил передо мной кружку. Кофе был черный, без сахара, без корицы, но пах так, что у меня закружилась голова.

— Спасибо, — я обхватила кружку ладонями, согревая пальцы. — Знаешь, ты мог бы открыть кофейню. Когда всё это закончится. «Угрюмый бариста». Или «Кофе с привкусом тайны». Я бы ходила.

Он сел напротив со своей кружкой. Маска на месте, взгляд — в стену за моим плечом. Но я заметила, как дернулся уголок его глаза. То ли раздражение, то ли смех, который он давил.

— У тебя есть планы на день? — спросила я, отпивая глоток. — Кроме как чистить пистолет и смотреть в окно? Потому что у меня есть предложение.

Ноль реакции.

— Прогулка, — объявила я. — На улице весна. Солнце светит, птички поют. Я уже две недели не дышала свежим воздухом дольше, чем те две минуты, когда пыталась сбежать и чуть не откинулась в овраге. Мне нужен витамин D. И вообще, я зачехну в этих четырех стенах, и тогда ты останешься с трупом на руках. Оно тебе надо?

Он медленно перевел взгляд на меня. В светлых глазах читалось сомнение.

— Я серьезно, — я подалась вперед, опираясь локтями на стол. — Всего полчаса. По лесу. Ты будешь рядом, я никуда не сбегу — теперь уж точно. К тому же у меня до сих пор болят ноги после того забега. Я буду идти медленно, как приличная заложница. Обещаю.

Он молчал. Но я видела, как в его глазах идет борьба. Профессионал говорил: «Никаких прогулок, она может сбежать, это риск». А человек, который три дня выхаживал меня после лихорадки, — тот, другой, — думал: «Ей правда нужен воздух, она бледная как смерть».

— Пожалуйста, — добавила я тихо, и это «пожалуйста» прозвучало искренне, без обычной иронии. — Я больше не буду пытаться бежать. Даю слово Белинской. А оно, между прочим, кое-что значит.

Он опустил глаза. Потом резко встал, взял с вешалки свою куртку и бросил мне.

— Одевайся, — буркнул он. — Десять минут.

И вышел на крыльцо.

Я осталась сидеть с открытым ртом. Потом медленно, торжествующе улыбнулась.

— Три слова, — прошептала я, натягивая его огромную куртку. — «Одевайся. Десять минут». Прогресс, Анж. Колоссальный прогресс.

Лес встретил нас влажной, звенящей тишиной. Пахло сыростью, корой и чем-то неуловимо сладким — наверное, так пахнет просыпающаяся весна.

Я шагала впереди по едва заметной тропинке, а он — сзади, в двух шагах. Я слышала его дыхание, чувствовала спиной его взгляд.

— Смотри! — я указала на ветку, где набухли почки, готовые вот-вот лопнуть зеленью. — Весна. Настоящая. Я уже думала, что никогда ее не увижу. Что умру в том каменном замке, и меня найдут через сто лет мумифицированной, в твоем свитере и с пустой кружкой из-под кофе.

Он не ответил, но я уловила едва слышный выдох — то ли смешок, то ли вздох.

— Ты вообще любишь весну? — я обернулась на ходу, чуть не споткнувшись о корень. — Или ты из тех, кто предпочитает осень? Хотя тебе, наверное, больше подходит зима. Холодно, темно, все сидят по домам и не задают лишних вопросов.

Он молчал. Я вздохнула.

— Ладно, давай я буду гадать. Ты киваешь, если я угадала. Идет?

Никакой реакции.

— Отлично, считаю это согласием, — я развернулась и пошла спиной вперед, глядя на него. — Итак, вопрос первый: ты любишь кофе или чай? Я знаю, что кофе ты варишь отлично, но, может, это вынужденная мера? Вдруг в душе ты — чайный сомелье и коллекционируешь улуны?

Он смотрел на меня с непроницаемым выражением. Потом едва заметно качнул головой. Нет.

— Кофе! — обрадовалась я. — Я так и знала. Вопрос второй: ты слушаешь музыку? Какую? Рок? Классику? Что-то депрессивное, под стать твоему образу?

Пауза. Потом он поднял руку и показал два пальца.

— Рок? — уточнила я.

Кивок.

— Тяжелый? Металл? Или что-то мелодичное?

Он просто смотрел на меня, и я поняла, что лимит жестов на сегодня исчерпан.

— Ладно, не буду пытаться, — я снова повернулась лицом вперед и пошла нормально. — Но ты не поверишь, я тоже люблю рок. Папа меня водил на концерты, когда я была маленькой. У него странное представление о воспитании наследницы. Мама была в ужасе. А мне нравилось.

Я замолчала, прислушиваясь к звукам леса. Где-то далеко стучал дятел. В кронах пересвистывались невидимые птицы. Воздух был холодным, но солнце, пробивающееся сквозь голые ветки, уже пригревало.

— Странно, — сказала я тихо. — Я думала, что в плену буду считать минуты до освобождения. А сейчас иду по лесу с человеком, который меня похитил, и чувствую себя почти... спокойно. Это ненормально, да

Он ничего не ответил. Но его шаги стали ближе. Я слышала его дыхание прямо за своим плечом.

— Наверное, это стокгольмский синдром, — продолжила я задумчиво. — Лина бы сказала: «Анж, ты идиотка, он тебя украл, он преступник, хватит искать в нем хорошее». А я... я не ищу. Оно само находится.

Я остановилась и резко обернулась. Он стоял в полушаге от меня — ближе, чем обычно. Ближе, чем позволяли его собственные правила. Его глаза смотрели на меня сверху вниз, и в них было что-то, от чего у меня перехватило дыхание.

— Что? — спросила я, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. — Ты хочешь что-то сказать?

Он молчал. Но его взгляд скользнул по моему лицу — лоб, глаза, губы, — и вернулся к глазам. В этом взгляде было столько всего, что у меня закружилась голова. Не от слабости. От него.

А потом он отступил. Резко, как от огня.

— Возвращаемся, — бросил он хрипло и развернулся к дому.

Я замерла на секунду, глядя на его удаляющуюся спину. Сердце колотилось где-то в горле. План. Это просто план. Нельзя придумывать себе лишнего. Я пытаюсь его соблазнить, чтобы он меня отпустил. Это всё не по-настоящему. Просто... здесь больше никого нет, и мы немного сблизилась от... безвыходности ситуации.

— Эй, подожди! — крикнула я и побежала за ним.

Он не обернулся.

Глава 19

Я идиот.

Не просто идиот — безнадежный, законченный идиот. Потому что только идиот мог согласиться на эту прогулку. Только идиот мог позволить ей идти впереди, в моей куртке, с этими дурацкими вопросами про музыку и чай, с этой ее манерой болтать без умолку и при этом смотреть так, будто я — единственный человек в мире, который ей интересен.

Я знаю, что она делает. Она не скрывает этого. Ее комплименты про «красивые руки», ее «случайные» прикосновения, ее взгляды из-под ресниц — всё это часть какого-то нелепого плана. Она решила, что может манипулировать мной, используя женские чары. Как будто я — зеленый юнец, который никогда не видел красивых женщин.

Но проблема в том, что я вижу не только ее попытки соблазнения. Я вижу, как она смеется над собственными шутками, даже когда они не смешные. Как она трет нос рукавом моего свитера, забыв о манерах. Как она смотрит на почки на ветках с таким искренним, детским восторгом, будто никогда не видела весны.

Это не игра. Вот она настоящая.

Вечером я сидел на кухне и чинил распатавшуюся ножку стула — просто чтобы занять руки. Она возилась в гостиной, перебирала книги, которые я принес с чердака несколько дней назад. Старые, пыльные, на разных языках. Я думал, ей будет чем заняться, кроме как сверлить меня взглядом.

— О! — раздался ее голос. — «Граф Монте-Кристо»! На французском! Ты знаешь французский?

Я не ответил. Она уже привыкла, что я не отвечаю на половину вопросов, и не обижалась.

— Я учила в школе, но помню только «жё тэм» и «вуле ву куше авек муа», — продолжала она, появляясь в дверях кухни с книгой в руках. — Последнее, кстати, очень полезная фраза. Универсальная. Ты как, владеешь?

Я поднял на нее глаза. Она стояла, прислонившись плечом к косяку, в моей футболке, которая сползла с одного плеча, открывая ключицу. В руках — потрепанный том в кожаном переплете. В глазах — озорной блеск.

— Владею, — сказал я, сам не зная зачем.

Она оживилась:

— Правда? И что ты обычно говоришь девушкам по-французски? Кроме «жё тэм», конечно. Это слишком банально.

— Ничего, — я вернулся к стулу. — Я не говорю девушкам по-французски.

— А парням?

Я вскинул голову. Она ухмылялась.

— Шутка, — сказала она. — Хотя, знаешь, я бы не удивилась. У тебя такой... универсальный типаж. Загадочный, brutальный, с темным прошлым. По такому и девушки сохнут, и парни оглядываются. Ты в курсе?

— Нет, — отрезал я, чувствуя, как начинаю закипать. — И мне всё равно.

— Ну конечно, всё равно. — Она прошла на кухню, опустилась на табурет напротив и положила книгу на колени. — Тебе вообще до всего нет дела. Ты же выше этого. Ты — скала. Айсберг. *El Silencioso*. Чудовище в своем замке.

Она смотрела на меня в упор, и в ее глазах плясали чертики. Я чувствовал, как внутри поднимается раздражение — на нее, на себя, на всю эту нелепую ситуацию.

— Что ты делаешь? — спросил я, откладывая отвертку.

— В смысле?

— Этот... цирк, — я обвел рукой пространство между нами. — Compliments. Взгляды. Эти твои... фразочки. Ты думаешь, я не понимаю?

Она моргнула, но не отвела взгляд.

— А что я, по-твоему, делаю?

— Пытаешься манипулировать, — сказал я жестко. — Думаешь, если прикинешься влюбленной дурочкой, я растаю и отпущу тебя. Или, может, сниму маску и расскажу все свои секреты.

Она молчала. Улыбка сползла с ее лица, уступая место чему-то более серьезному.

— Это не сработает, — продолжал я, и слова выходили резче, чем я хотел. — Я не тот человек. Я не ведусь на... это.

— На «это»? — переспросила она тихо. — На что именно? На то, что кто-то пытается найти в тебе что-то человеческое?

— Ты не ищешь, — я встал, отодвигая стул. — Ты играешь. Ты — избалованная девчонка, которая привыкла получать всё, что хочет. И сейчас ты хочешь свободу. И ты думаешь, что можешь получить ее, используя меня.

Она тоже встала. Книга упала на пол с глухим стуком.

— Ты правда так думаешь? — ее голос дрожал, но в глазах горел вызов. — Что я настолько расчетливая? Что всё, что я говорю и делаю, — это часть какого-то гениального плана?

— А разве нет?

Она сделала шаг ко мне. Потом еще один. Мы стояли почти вплотную, и я чувствовал тепло, исходящее от ее тела, запах моего свитера на ней, смешанный с ее собственным — чем-то легким, цветочным, что осталось даже после недель без нормального душа.

— А если нет? — спросила она, вскинув голову, чтобы смотреть мне прямо в глаза. — Что, если мне просто... одиноко? Если я пытаюсь с тобой говорить лишь потому, что кроме тебя у меня сейчас никого нет? Может, мне просто страшно молчать! Я болтаю, чтобы отвлечься. Чтобы не считать эти бесконечные дни и часы взаперти. Знаешь, похититель из тебя так себе, ты даже двух слов связать не можешь. И всё же эта «избалованная девчонка» добилась своего и заставила тебя говорить. Хотя... ты прав: я зря надеялась найти в тебе нормального собеседника. Ты — самое настоящее чудовище. Вот и прячься дальше.

Я смотрел на нее и не мог ответить. Потому что в ее глазах, помимо вызова, было что-то еще. Что-то уязвимое, почти отчаянное. И это было хуже любой манипуляции.

Я молчал. Слова застряли в горле. Я не знал, что сказать.

— Вот видишь, — она горько усмехнулась и отступила. — Ты молчишь, потому что всё, что я сказала правда. Ты прячешься за молчанием, потому что боишься. Не меня. Себя.

Она наклонилась, подняла книгу и вышла из кухни.

Я так и остался стоять, глядя в пустой дверной проем. Внутри всё кипело: она ударила в самую точку. Да, я боялся. Не того, что она попытается сбежать. И не того, что заказчик узнает о моих промахах. Я боялся, что если хоть на секунду позволю себе стать рядом с ней человеком — больше не смогу вернуться обратно. В ту привычную жизнь, где нет ничего, кроме приказов, оружия и звенящей пустоты. Я не знаю другой жизни. И к тому же... есть мой брат. Я не имею права сорвать план из-за этой девчонки.

Я сел на табурет, закрыл лицо руками и просидел так до темноты.

Глава 20

Следующие три дня после нашей ссоры на кухне он почти не разговаривал. Даже те одно-два скупых слова, которые я вырывала у него с таким трудом, исчезли. Он готовил еду, ставил тарелки на стол, мы молча ели, а после каждый занимался своими делами. Я сидела у камина и в основном читала, а он чистил пистолет или куда-то уходил — наверное, к себе в комнату. Если я пыталась заговорить, он либо игнорировал меня, либо отвечал односложно, упорно глядя в стену.

Я чувствовала себя ужасно. И не только потому, что мой «план соблазнения» с треском провалился. А потому, что в тот вечер я сказала ему правду. И он оттолкнул меня.

«Мне нравится с тобой говорить, даже когда ты молчишь. Я вижу, что ты не чудовище, и мне хочется узнать тебя». Наверное, я пыталась сказать именно это. Но я сама запуталась: хотела выразить одно, в итоге разозлилась на его реакцию и сорвалась. Теперь всё еще хуже, чем было в начале. Мы снова молчим. Да и о чем тут говорить — мы ведь так и не начали нормально общаться.

Господи, зачем я это сказала? Это же признание. Не в любви, конечно, но в чем-то почти таком же опасном. В симпатии. В интересе. К похитителю. Ага.

Лина бы покрутила пальцем у виска. «Анж, ты совсем поехала? Он тебя украл! Держит в заброшенном доме! Ты не должна искать в нем хорошее, ты должна думать, как сбежать!»

А я не думала о побеге. Я думала о том, почему он так отреагировал. Почему мои слова задели его так сильно, что он замкнулся еще больше.

И еще я думала о том, что мне действительно нравится с ним говорить. Даже когда он молчит. Особенно когда он молчит, но я вижу, как в его глазах что-то происходит — какая-то внутренняя борьба, которую он не может скрыть.

На четвертый день я не выдержала.

Он приготовил завтрак — овсянку, чай, хлеб. Молча сел за стол.

— Слушай, — сказала я.

Он замер всего на секунду и продолжил есть.

— Я хочу извиниться.

Никакой реакции.

— За тот вечер, — продолжила я, наблюдая, как он молча ест кашу, даже не поднимая на меня глаз. — Мне не стоило так говорить. Это было... грубо. И как-то непрофессионально. То есть я, конечно, не эксперт по похищениям, но понимаю, что перегнула палку

Он медленно поднял голову. Его глаза смотрели на меня с непроницаемым выражением.

— Я не хотела тебя задеть, — сказала я тихо. — Правда. Я просто... я запуталась. Я не знаю, что чувствую. Я не знаю, кто ты. Но я знаю, что ты спас меня в лесу. Что ты выходил меня после лихорадки. Что ты варишь мне кофе каждое утро и приносишь книги, хотя мог бы просто держать в пустой комнате. И я не могу ненавидеть тебя, как должна бы. И это... пугает.

Он смотрел на меня. Долго. Молча. Потом его плечи чуть опустились — едва заметно, но я увидела.

— Меня тоже, — сказал он.

Всего два слова. Но в его голосе, низком и хриплом, было столько всего, что у меня защемило в глазах.

— Что — тоже? — переспросила я.

Я замерла. Сердце забилося где-то в ушах.

— И что ты чувствуешь? — прошептала я.

Он покачал головой.

— Ешь, — сказал он и вышел.

Я осталась сидеть, глядя на закрытую дверь. Внутри всё переворачивалось. Он признался. Не в симпатии, конечно, — в страхе. В том, что его пугает то, что он чувствует.

После завтрака я нашла его на крыльце. Он сидел на ступеньках, глядя в лес, и курил. Я впервые видела его с сигаретой. Он не курил при мне раньше — видимо, берег мои легкие или просто не хотел показывать эту привычку.

Я села рядом, на безопасном расстоянии. Он не шелохнулся.

— Я не знала, что ты куришь, — сказала я.

— Редко, — ответил он, выпуская дым. — Когда совсем хреново.

— Сейчас хреново?

Он помолчал, потом кивнул.

— Из-за меня?

Он повернул голову, посмотрел на меня долгим взглядом, потом снова отвернулся к лесу.

— Из-за всего, — сказал он.

Я не знала, что на это ответить. Мы сидели молча, глядя, как ветер колышет голые ветки. Весна наступала медленно, неохотно, но неумолимо.

— Можно вопрос? — спросила я.

Он кивнул.

— Почему ты носишь маску? Я понимаю, чтобы я не видела лица. Но почему ты не снимаешь ее, даже когда спишь? Ты боишься, что я увижу? Или дело не во мне?

Он долго молчал. Я уже думала, что он не ответит.

— Привычка, — сказал он наконец. — И... да. Дело не только в тебе.

— А в чем?

Он затушил сигарету о ступеньку, бросил окурок в жестяную банку, стоявшую рядом.

— Это долгая история.

— У нас, кажется, полно времени, — заметила я. — Твой заказчик не звонит уже... сколько? Две недели? Три?

Он не ответил, но я увидела, как дернулся мускул на его челюсти под краем маски.

— Ты не знаешь, почему он молчит? — спросила я осторожно. — Это нормально?

— Нет, — сказал он коротко.

— И что ты будешь делать?

Он повернулся ко мне, и в его глазах я увидела то, что раньше он тщательно скрывал. Усталость. Растерянность. И что-то еще — что-то, похожее на отчаяние.

— Не знаю, — сказал он честно.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри что-то ломается. Все мои планы, все игры, все попытки манипулировать — всё это казалось таким глупым и неважным по сравнению с тем, что происходило сейчас. Он был потерян. Так же, как я. Может, даже больше.

— Тогда, может, просто... жить? — предложила я тихо. — Пока он не позвонит. Не думать о том, что будет потом. Просто быть здесь и сейчас. Весна, лес, кофе по утрам. Ты и я. Без планов, без масок... ну, ладно, маску можешь оставить. Но хотя бы перестать делать вид, что мы враги.

Он смотрел на меня так долго, что я начала сомневаться, не сказала ли чего лишнего. А потом он вдруг хмыкнул — коротко, почти беззвучно, но я услышала.

— Ты невозможная, — сказал он.

— Это комплимент?

— Констатация факта.

Я улыбнулась. Впервые за несколько дней — по-настоящему.

— Знаешь, El Silencioso, — сказала я, поднимаясь. — Ты тоже ничего. Для чудовища.

Он не ответил. Но когда я уходила в дом, я услышала, как он тихо, почти неслышно, фыркнул. То ли смех, то ли вздох. Но я засчитала это как победу.

Глава 21

Тишина затягивалась.

Я сидел на кухне и смотрел в стену. В кружке давно остыл кофе, на плите тихо булькала каша.

Заказчик не звонил уже три недели. Я проверял телефон дважды в день — пусто. Ни сообщений, ни пропущенных. Сначала это нервировало. Потом я привык. А теперь ловил себя на мысли, что тишина меня устраивает. Что я не хочу, чтобы этот чёртов телефон оживал. Потому что звонок означал бы конец.

Я отодвинул кружку, провёл ладонью по лицу поверх маски. Щетина уже превратилась в короткую бороду, под глазами залегли тени — я спал урывками, не больше пары часов за ночь. Не потому, что было неудобно в кресле. Потому что она была рядом.

Её дыхание в тишине гостиной, шорох пледа, когда она переворачивалась на другой бок, тихое бормотание во сне — я слышал всё. И вместо того чтобы засыпать, лежал с открытыми глазами и думал. О том, как всё пошло не по плану. О том, что плана как будто и не было. Я начал забывать почему я здесь и это тоже было не по плану.

Я слышал, как она проснулась. Диван скрипнул, босые ноги прошлёпали по полу. Через минуту она появилась в дверях кухни — заспанная, лохматая, в моей футболке, которая висела на ней, как на вешалке.

— Кофе, — сказала она не голосом, а каким-то утренним сипом. — Дай кофе, или я умру.

— На плите, — кивнул я.

Она прошлёпала к плите, налила себе кружку, сделала глоток и замерла. Я видел, как она щурится от удовольствия, как обхватывает кружку обеими руками, будто это самое ценное, что у неё есть. В этой моей дурацкой футболке, которая сползла с одного плеча и открывала острый изгиб ключицы.

Я отвёл взгляд.

— Футболку поправь, — сказал я.

— Что? — она опустила глаза, посмотрела на плечо и пожала им, отчего ткань сползла ещё ниже. — А, это. Ну, она большая. Всё равно всё прикрыто.

— Недостаточно.

— Серьёзно? — в голосе появились знакомые нотки. Она отставила кружку, упёрла руки в бока и повернулась ко мне. — По-моему, вполне нормально. Ты просто придираешься.

Я поднял глаза и встретился с её взглядом. Она смотрела на меня с вызовом — но под этим вызовом пряталось что-то ещё. Какое-то любопытство. Она ждала моей реакции.

— Это не нормально, — сказал я ровно. — Одевайся прилично.

— У меня нет приличной одежды. Прости, пожалуйста, не успела захватить вещи перед похищением.

— У тебя есть свитер.

— Он колется.

— Значит, терпи.

Она фыркнула и, кажется, собралась ответить что-то едкое, но сдержалась. Взяла кружку, вышла в гостиную, и через минуту я услышал, как она роется в пледах. Вернулась она уже в свитере — натянутом поверх футболки, огромном, с закатанными до локтей рукавами. Села за стол напротив меня и демонстративно сложила руки на груди.

— Так лучше?

— Да.

— Просто класс. Я похожа на мешок с картошкой.

— Ты похожа на человека, которому не холодно.

— Знаешь, — она наклонила голову и прищурилась, — иногда мне кажется, что тебе вообще всё равно. А иногда — что совсем не всё равно. И это бесит.

Я промолчал.

Она подождала ответа, не дождалась и принялась за кофе. Мы сидели молча. Тишина была не то чтобы враждебной — скорее, привычной. За последние недели мы научились молчать вдвоём. Это было странно, но это работало.

— У меня волосы как солома, — вдруг сказала она, не глядя на меня. — И кожа сухая. И вообще я выгляжу ужасно. Если бы ты меня увидел месяц назад — ты бы не узнал.

— Я видел тебя месяц назад, — сказал я, не подумав.

Она замерла с кружкой в руке.

— Ты за мной следил?

Я мысленно выругался. Прокол. Глупый, ненужный прокол.

— Это моя работа, — сказал я сухо.

— Следить за девушками?

— Собирать информацию.

Она помолчала, потом хмыкнула и снова глотнула кофе.

— Ладно. Не хочешь — не рассказывай. Но факт остаётся фактом: я выгляжу ужасно. У меня нет ни нормальной одежды, ни косметики, ни расчёски. Даже шампунь — и тот хозяйственное мыло.

Я ничего не ответил, но внутри что-то зацепилось. Она говорила это уже не в первый раз. И в её жалобах не было кокетства — только усталость. Она действительно мучилась без всего этого. А я действительно не подумал.

Когда я планировал похищение, я рассчитывал на десять дней. Десять дней можно прожить и без косметички. Но прошёл почти месяц — месяц, за который она болела, падала в обморок, лежала в лихорадке и ходила в моих обноскох. И ни разу не попросила ничего всерьёз. Только теперь — и то, между делом.

Я встал из-за стола.

— Я уеду сегодня, — сказал я. — Вернусь к вечеру.

— Куда?

— По делам.

— Каким?

— Разным.

Она смотрела на меня, и в её глазах мелькнула тень — та самая, которую я видел каждый раз, когда выходил за дверь. Она боялась оставаться одна. Никогда не говорила этого прямо, но я знал.

— Ты надолго? — спросила она.

— На несколько часов.

— А если что-то случится?

— Не случится.

— А если ты не вернёшься?

Я посмотрел ей в глаза.

— Вернусь.

Она не отвела взгляд. Кивнула — коротко, отрывисто, будто ставила точку в разговоре, который не состоялся.

— Ладно. Я пока не знаю. Почитаю.

— Почитай.

Я взял куртку, проверил бумажник в кармане, ключи от машины. У двери обернулся. Она сидела на диване, поджав ноги, и смотрела в окно. Серая весна за стеклом только начиналась, и свет был тусклым, молочным.

— Анжелика.

Она повернула голову.

— Я вернусь, — повторил я. — К вечеру.

И вышел, не дожидаясь ответа.

Глава 22

Машина стояла в старом сарае, в полукилометре от дома. Я завёл её, выехал на разбитую грунтовку, потом на трассу. До города было примерно полтора часа. Достаточно, чтобы прокрутить в голове все причины, по которым я не должен был этого делать.

Первая: это не предусмотрено планом. Вторая: любое появление в людном месте — риск. Третья: заказчик молчит, и неизвестно, что будет завтра. Четвёртая: покупать вещи для неё — значит признать, что она здесь надолго, а я не хотел этого признавать. Пятая

Пятая причина была самой простой. Я делал это, потому что она попросила.

Город встретил меня серым небом и слякотью. Я припарковался у супермаркета на окраине, натянул капюшон, спустил на шею шарф, служивший мне маской последний месяц, — и вошёл внутрь. В отделе косметики я завис надолго.

Шампунь. Какой? Я взял первый попавшийся — с ромашкой. Потом подумал и взял ещё один, с каким-то маслом. Расчёска. Зубная щётка. Мыло — нормальное, не хозяйственное. Полотенце — мягкое, большое, а не та тряпка, что висела в ванной.

Косметика была отдельной проблемой. Я ничего в этом не понимал. Тушь, тональный крем, помада — десятки тюбиков, баночек, названий. Я стоял перед полкой, как идиот, и пытался вспомнить, что она говорила про косметику, но она ничего конкретного не говорила. Взял самое простое, что попало на глаза. Дёшево, немарко — сойдёт.

Одежду я искал в соседнем магазине. Джинсы. Свитер — не колючий. Спортивные штаны. Футболки. Носки. Всё примерно её размера — я помнил его по доске. И что-то ещё Я задержался у полки с бельём и почувствовал, как кровь приливает к лицу. Взял первый попавшийся комплект.

Я расплатился, сложил покупки в багажник и заехал в продуктовый. Овощи, фрукты, яйца, сыр, хлеб — не консервы, а нормальная еда. Кофе в зёрнах. И шоколад. Не знаю зачем. Просто подумал, все девушки любят шоколад

К дому я подъехал, когда уже смеркалось. Усталый, голодный, но в странно приподнятом настроении. Открыл дверь — и в ту же секунду что-то ударило меня в грудь.

Она. Обняла. Меня.

Я замер с пакетами в руках, чувствуя, как она прижимается лицом к моей куртке, как её пальцы цепляются за ткань. От неё пахло дымом и кофе. Она дрожала — то ли от холода, то ли от нервов.

— Ты вернулся, — выдохнула она.

— Я же сказал, — ответил я глухо, не зная, куда девать руки.

— Я думала — она запнулась и отстранилась. Отступила на шаг, пряча лицо за завесой волос. — Я думала, ты не вернёшься.

— Почему?

— Не знаю. Вдруг что-то случилось. Вдруг передумал. Вдруг просто бросил меня здесь.

Я поставил пакеты на пол. Она стояла, обхватив себя руками, и смотрела в сторону. Свитер опять сполз с плеча, волосы растрёпаны, на щеках — лихорадочный румянец.

— Я не бросаю, — сказал я.

Она подняла глаза. В них стояли слёзы, которые она пыталась сдержать. И ничего не сказала.

— Я привёз кое-что, — я кивнул на пакеты. — Там шампунь, расчёска, одежда. И шоколад.

— Шоколад? — её голос дрогнул.

— Да. И нормальную еду.

Она посмотрела на меня, на пакеты, снова на меня — и вдруг рассмеялась. Тихо, почти беззвучно, но это был настоящий смех.

— Ты купил шоколад своей заложнице, — сказала она. — Это самый странный похитительский поступок в истории.

— В истории похищений? — уточнил я.

— В истории всего. Ты вообще в курсе, что ненормальный?

— В курсе, — я поднял пакеты и понёс их в гостиную. — Распаковывай. А я ужин готовлю.

Она разбирала покупки, сидя на полу у дивана. Шампунь с ромашкой вызвал у неё скептический хмык. Расчёска — кивок одобрения. Зубная щётка — взгляд, полный благодарности. А когда она добралась до косметики, я услышал тихое: «О, Боже!».

— Что? — я выглянул из кухни.

— Ты купил мне тушь, — она держала тюбик в руке, разглядывая его так, будто это был артефакт. — Ты. Купил. Мне. Тушь.

— Ты просила.

— Я не просила конкретно тушь. Я просила косметику в целом. А ты взял и купил.

— Это плохая тушь? — я нахмурился. — Я не разбираюсь.

— Нет, это — она покрутила тюбик, прочитала название и фыркнула. — Это самая дешёвая тушь, которую я когда-либо видела. Ей, наверное, красятся школьницы.

— В том магазине другой не было.

— Значит, ты был в магазине для школьниц?

Я закатил глаза.

— Ты невыносима.

— Но ты всё равно привёз это мне, — она улыбнулась, и в улыбке было что-то до невозможности тёплое. — Спасибо. Правда.

Я кивнул и скрылся на кухне. Стоял, резал овощи и чувствовал, как внутри разливается что-то, чему не было названия. Она сидела в соседней комнате, перебирала дешёвые баночки и смеялась, а я стоял и думал, что ни один контракт в мире не стоил того, что происходило сейчас. И, может быть, это было самым страшным из всего, что случилось за этот месяц.

Вечером она вышла из ванной с мокрыми волосами, пахнущая ромашкой и чем-то ещё — маслом, наверное. В новых джинсах и футболке, которая сидела на ней слишком свободно, но уже не висела мешком. И в туши — той самой, дешёвой, которую она критиковала пару часов назад.

— Ну? — она развела руками. — Как я выгляжу?

Я оторвался от книги. Посмотрел на неё. Мокрые волосы, покрасневшее лицо, дурацкая тушь, которая чуть-чуть осыпалась под глазами. И глаза — огромные, светлые, в которых плясали отблески камина.

— Нормально, — сказал я.

— «Нормально»? — она прищурилась. — Я впервые за месяц привела себя в порядок, а ты говоришь «нормально»?

— Хорошо.

— «Хорошо»? И это всё?

Я пожал плечами и снова уткнулся в книгу, хотя не видел ни строчки. Она фыркнула, упала на диван, натянула плед и пробормотала что-то про «безнадёжного чурбана». Я не ответил.

Но краем глаза продолжал на неё смотреть.

Глава 23

— Я не поднимусь туда. Хоть режь.

Он стоял у лестницы с охапкой дров и смотрел на меня долгим, ничего не выражающим взглядом.

— Там кровать, — сказал он. — Удобнее, чем диван.

— Там темно. И холодно. И скрипит. И вообще — я туда не пойду.

— Ты жила там две недели.

— Я не жила! Я выживала, — я скрестила руки на груди и демонстративно уселась на диван. — Здесь камин, пледики, и ну, здесь хотя бы ты рядом.

Последние слова вылетели раньше, чем я успела их обдумать. Он замер. Дрова тихо стукнулись друг о друга.

— Что? — переспросил он.

— Ничего, — я уткнулась в книгу, чувствуя, как загораются щёки. — Я сказала: здесь теплее. И камин. Камин — это важно.

Он постоял ещё секунду и молча понёс дрова к камину. Сложил их у стены, поправил решётку и отошёл.

— Ладно, — сказал он.

— Что — ладно?

— Спи здесь.

Так я окончательно обосновалась в гостиной. Днём диван служил мне читальным залом, вечером — спальней. Ночью я засыпала, глядя на догорающие угли, и уже не вздрагивала от каждого скрипа. Потому что в кресле у камина спал он. Или сидел без сна — я не всегда могла понять.

Мы почти не говорили об этом. Просто однажды вечером он не ушёл наверх, а остался в кресле — сказал, что будет следить за огнём. Я сказала: «Ну и ладно». И с тех пор так и повелось.

Я на диване, он в кресле. Или на полу — однажды я проснулась ночью и увидела, что он сидит на полу, прислонившись спиной к дивану, и спит, уронив голову на грудь. Я хотела его разбудить, но не стала. Просто смотрела на его затылок и думала: какой же ты странный. И какой небезразличный.

— Ты опять не спал всю ночь, — сказала я утром, глядя на тёмные круги под его глазами.

— Спал.

— Врёшь.

— Я не вру.

— А, ну-да, ты предпочитаешь отмалчиваться.

— Это моя работа, — сказал он.

— Твоя работа — охранять меня. А не сидеть у дивана, пока я сплю.

— Одно другому не мешает.

Я вздохнула. Спорить с ним было бесполезно — он всё равно делал по-своему. И, честно говоря, мне это нравилось. Его присутствие. Его молчаливая забота. Его спина, на которую я могла смотреть, пока засыпаю.

Но говорить об этом я не собиралась.

Свои кулинарные способности я оценивала высоко. Да, были сложности с брускеттой, и тот случай с тостами, когда я забыла выключить духовку, тоже имел место. Но в целом я считала, что если следовать рецепту, всё получится.

— Ты уверена? — Он стоял в дверях кухни, скрестив руки, и всем своим видом выражал скепсис.

— Абсолютно. Я приготовлю нормальный ужин. Надоели твои супы и каши. Хочу рагу.

— Овсянка тоже надоела?

— Овсянка особенно.

— А консервы?

— Консервы, — я обернулась к нему, сжимая нож, — это вообще не еда. Это способ выживания. Я хочу приготовить что-то человеческое.

Он посмотрел на нож в моей руке. Потом на меня.

— Ты хоть раз готовила что-то кроме тостов?

— Один раз.

— И?

— Это была брускетта. Она немножко подгорела. Но там всё равно оливковое масло и помидоры, так что

— Понял, — он отлепился от косяка и начал закатывать рукава толстовки. — Я помогу.

— Я сама справлюсь!

— Я помогу, — повторил он тоном, не допускающим возражений. — Хотя бы спасу кухню от пожара.

Я хотела обидеться, но передумала. Он уже взял вторую разделочную доску и начал чистить картошку — быстро, умело, так, будто делал это каждый день. Я засмотрелась на его руки — длинные пальцы, точные движения.

— Что? — спросил он, не поднимая глаз.

— Ничего. Режу лук.

Лук я нарезала крупными неровными кусками — мне казалось, чем мельче, тем сложнее, а значит, можно оставить как есть. Морковь, которую тёр он, получилась идеальной — ровная стружка, будто из кулинарного шоу. Картошка под его ножом превращалась в аккуратные кубики, а моя

— Это что? — он указал на мою разделочную доску.

— Картошка.

— Это брусчатка, а не картошка.

— Я люблю крупно нарезанную.

— Она не прожарится.

— Значит, будем есть полусырую. В ней больше витаминов.

Он покачал головой и молча переложил мои «бруски» обратно на доску. Через минуту они превратились в нормальные кусочки.

— Умничаешь, — буркнула я.

— Помогаю.

К сковороде меня подпустили с условием: «не включай огонь больше среднего». Я кивнула. Потом, пока он отвлёкся на банку с тушёнкой, прибавила огонь — потому что на среднем ничего не шипело, а какая же готовка без шипения? Через две минуты масло начало дымиться. Ещё через минуту из сковороды повалил чёрный дым.

— Анжелика! — Он отодвинул меня от плиты одним движением, схватил сковороду, переставил на холодную конфорку и открыл окно. Дым потянуло наружу. — Я же сказал: средний огонь.

— Я думала, будет быстрее.

— Будет быстрее — сгорит. Это же элементарно.

— Откуда ты знаешь? Ты что, повар?

— Нет. Просто умею готовить.

— Где научился?

Он промолчал. Я заметила, как его плечи напряглись, как пальцы крепче сжали ручку сковороды.

— Давно, — сказал он коротко. — Неважно.

Я не стала допытываться — понимала, что на личные темы он отвечает либо молчанием, либо такими вот «неважно». Но про себя запомнила: когда-то он был не наёмником. Когда-то у него была другая жизнь.

— Ладно, — сказала я, отряхивая руки. — Давай заново.

— Нет уж. Теперь я готовлю. А ты сиди и смотри.

— Но

— Сиди.

Я села на табурет и демонстративно сложила руки. Он готовил — быстро, уверенно, не делая лишних движений. Картошка больше не горела. Мясо не прилипало. Через полчаса на столе стояло съедобное, неплохое на вид жаркое.

— Это было унижительно, — сказала я, накладывая себе порцию.

— Это был мастер-класс.

— Ага. От похитителя-кулинара. Ты вообще уверен, что правильно выбрал профессию?

Он поднял глаза. Мне показалось — ещё немного, и в них мелькнёт что-то похожее на усмешку.

— Я много что умею, — сказал он. — Но это не значит, что я должен этим зарабатывать.

— А чем бы ты хотел зарабатывать? Ну, в другой жизни?

Он не ответил. Но его взгляд на секунду стал отсутствующим, будто он и вправду задумался.

— Ладно, — я подняла ложку, — за ужин спасибо. Даже если большую часть готовил ты.

— Всю.

— Я лук резала!

— Это был не лук, а слёзы.

— Ты просто завидуешь моей технике.

— У тебя нет техники.

— Вот поэтому и завидуешь.

Он вздохнул и принялся за еду. Но мне показалось, что под своей «любимой» маской он улыбнулся. Всего на секунду.

Глава 24

Она постоянно пыталась меня задеть. И у неё получалось.

Нет, я не подавал вида — привычка держать лицо и голос под контролем въелась намертво. Но внутри каждый её взгляд, каждый жест, каждое «случайно» сползшее с плеча горло свитера отзывались где-то под рёбрами.

Я старался не думать об этом. Старался сосредоточиться на деле — на готовке, на камине, на наружном наблюдении. Но она всё время была рядом, и не думать о ней становилось невозможно.

В тот вечер она сидела на полу у камина. Скрестила ноги, оперлась спиной о диван и читала. Свитер снова сполз с плеча — она машинально поправила его, но через минуту он снова оказался на том же месте. Я стоял у кухонной двери и смотрел. Просто смотрел.

Она подняла голову и застала меня врасплох.

— Что? — спросила она.

— Ничего, — я отвёл взгляд и прошёл к столу. — Чай будешь?

— Буду. С сахаром.

— Сахар кончился.

— Тогда просто чай.

Я заварил чай, поставил кружки на стол, сел напротив. Она пересела за стол, взяла кружку, подула на пар. Синяки под глазами почти прошли, но она всё ещё была бледной, и мне это не нравилось.

— Ты мало ешь, — сказал я.

— Я ем.

— Птичка ест больше.

— Какая птичка? Птички питаются червяками. Я не хочу как птичка.

— Не глупи. Ты поняла, о чём я.

— Поняла, — она отпила чай и поставила кружку. — Просто аппетита нет. Я не привыкла сидеть взаперти.

— Здесь не тюрьма.

— А что?

— Особняк. С камином и трёхразовым питанием, — я помедлил. — И с библиотекой.

— Ах да, библиотека. Старые книги на французском и пара детективов, которые я уже выучила наизусть. Шикарный курорт.

— Тебя никто не держит насильно.

Она подняла бровь.

— То есть я могу встать и уйти?

— Можешь. Пешком через лес.

— В джинсах и новых носках. Звучит заманчиво.

— Я же говорил — курорт.

Она фыркнула, но в глазах мелькнуло что-то похожее на смех. Мы замолчали. Я пил чай и чувствовал, как её взгляд скользит по моему лицу — точнее, по тому, что видно над маской. Лоб, глаза, волосы.

— Что? — я поднял голову.

— Ничего.

— Ты смотришь.

— Имею право. Ты на меня тоже смотришь.

— Я не

— Смотришь.

Я сжал кружку в ладонях. Воздух в комнате стал другим — плотным, электрическим, как перед грозой.

— Это ничего не значит, — сказал я наконец.

— Конечно, — она пожала плечами, но в голосе послышалась какая-то странная нотка.

— Ты же просто работаешь.

— Именно.

— И я просто объект.

— Анжелика

— Нет, я серьёзно, — она встала и прошла к дивану. — Всё нормально. Я всё понимаю. Ты — профессионал. Я — временное неудобство. Как только твой заказчик позвонит, всё закончится. Я вернусь к Алексу, мы поедem на море, будем пить коктейли на пляже и забудем этот дурацкий дом как страшный сон.

Я ничего не ответил. Она вышла в гостиную, легла на диван, натянула плед и отвернулась.

— Спокойной ночи, — крикнула она.

— Спокойной, — ответил я.

Но сна не было. Я сидел в кресле, смотрел на её неподвижную спину и переваривал то, что она сказала. Алекс. Море. Коктейли на пляже. Красивая картинка, которую она достала, как козырную карту.

Я понимал, что это игра. Понимал и злился — на неё, за то, что говорит об этом, и на себя, за то, что это вообще имеет значение. Какая разница, куда она поедет, когда всё закончится? Какая разница, с кем?

Но разница была. И от этого становилось только хуже.

Я не спала. Слушала, как он сидит в кресле — не шевелится, даже дыхание ровное, контролируемое. Всегда контролируемое. Всё у него под контролем, кроме одного — того, как он на меня смотрит.

Я нарочно заговорила про Алекса. Глупо, по-детски. Но после того случая на кухне я никак не могла успокоиться. Мы готовили ужин, он потянулся за приправой, я — за ложкой, и вдруг оказалось, что мы стоим вплотную. Его плечо касалось моего, его рука замерла на полпути, а моё лицо было так близко, что я видела каждую тень в его глазах. Если бы он наклонился, если бы сделал хоть одно движение

Он не сделал. Отодвинулся так резко, будто обжёгся. Пробормотал: «Извини» — и отошёл к плите. А я осталась стоять, чувствуя, как сердце бьётся где-то в горле, и внутри всё закипает.

Вот почему. Вот почему я завела этот дурацкий разговор про море и коктейли. Пусть знает. Пусть думает, что я считаю дни до возвращения к нормальной жизни.

Глава 25

Я проснулась с гениальной идеей. Такие идеи обычно приходят либо в душе, либо сразу после пробуждения, когда мозг ещё не успел включить внутреннего цензора. Сегодня цензор, видимо, взял выходной.

— Я буду звать тебя Боб, — объявила я, входя на кухню.

Он стоял у плиты и переворачивал оладьи. Без куртки, в своей обычной чёрной футболке, с этой неизменной маской на лице. Услышав меня, он замер на секунду, потом продолжил переворачивать оладьи так, будто ничего не произошло.

— Или нет, — я села за стол и задумчиво уставилась в его спину. — Боб — это слишком банально. Боб — это сантехник из пригорода с тремя детьми и газонокосилкой. Ты не похож на Боба.

Ноль реакции.

— Может, Грег? Грег — это грубовато. Грег носит кожаную куртку и ездит на мотоцикле. Хотя ты, конечно, больше по части леса и заброшенных особняков, но всё равно.

Он поставил передо мной тарелку с оладьями и кружку кофе.

— Ешь, — сказал он.

— Спасибо, Грег.

— Я не Грег.

— А кто ты? — я подалась вперёд, опираясь локтями на стол. — Назови имя — и я перестану придумывать. Даю слово. Честное слово Белинской.

Он сел напротив с кружкой и уставился в стену за моим плечом. Молча.

— Ладно, — я пожала плечами и взяла вилку. — Не хочешь — не надо. Я всё равно буду звать тебя как-то. Не могу же я постоянно говорить «эй ты» и «чудовище». Это как-то невежливо.

— Ты и так не особенно вежлива.

— О, мы сегодня разговорчивы! — я улыбнулась. — Уже три слова. Прогресс.

Он вздохнул. Я уловила это движение — лёгкое, почти незаметное, как поднимаются и опускаются плечи. Он вздохнул. Это был самый экспрессивный вздох, который я когда-либо видела.

— Значит, Боб и Грег отпадают, — я задумчиво жевала оладью. — Осталось ещё штук пять имён. Я буду методично перебирать, пока не угадаю. Или пока ты не сдашься. Сдаваться, кстати, полезно для здоровья. Снижает давление.

— У меня нормальное давление.

— А я не проверяла. Но могу проверить. Я умею мерить пульс. Нас учили на курсах первой помощи — папа настоял, чтобы я умела делать искусственное дыхание и непрямой массаж сердца. Так что если тебе когда-нибудь станет плохо — ты в надёжных руках.

— Обнадёживает.

— Сарказм! — я подняла вилку, как оратор поднимает указующий перст. — Ты использовал сарказм. Это высший пилотаж. Ещё немного — и ты начнёшь шутить. А потом — смеяться. А потом мы пойдём в караоке и споём дуэтом. Что ты любишь петь? Я — всё подряд, но лучше всего у меня выходит «I Will Survive».

Он медленно поставил кружку на стол и посмотрел на меня. В его глазах читалось выражение, которое я не могла расшифровать — то ли раздражение, то ли веселье, то ли и то, и другое одновременно.

— Ты всегда такая?

— Какая?

— Громкая.

— Всегда, — я гордо кивнула. — Это мой дар. И моё проклятие. Лина говорит, что я родилась с микрофоном в руке. Мама говорит, что я унаследовала это от папы — он тоже не умеет молчать. Так что смирись. Если ты не скажешь мне своё имя, я буду изводить тебя бесконечно.

— Скажешь — перестану, — я сложила руки на груди и посмотрела на него самым невинным взглядом, на какой была способна.

Он молчал. Я ждала.

— Ну хорошо, — сказала я через минуту. — План Б. Я буду перебирать имена по алфавиту. А — Алекс? Нет, Алекс у меня уже есть, не подходит. Альберт? Адольф? Аристарх?

Он поперхнулся кофе.

— Аристарх? — переспросил он хрипло.

— А что? Нормальное имя. Величественное. Аристарх — повелитель всего. Тебе подходит.

— Нет.

— Значит, не Аристарх. Жаль. Идём дальше. Б — Борис? Бенедикт? Бартоломью? О, Бартоломью — это красиво. Бартоломью, принеси мне ещё кофе, пожалуйста.

Он встал из-за стола, взял турку и молча налил мне ещё кофе. Я просияла.

— Спасибо, Бартоломью.

— Пожалуйста.

— Ты сказал «пожалуйста»! — я чуть не подпрыгнула на стуле. — Четыре слова за одно утро! Это новый рекорд!

Он снова сел и, кажется, подавил ещё один вздох. Но мне показалось, что в его глазах что-то мелькнуло. Что-то очень похожее на смех.

День прошёл под знаком алфавита. Я привязалась к нему, как репей к штанам. Куда он — туда и я. На кухню — я за ним («Виктор? Винсент? Вальдемар?»). В гостиную — я рядом («Геннадий? Геральд?»). На крыльцо — я тут как тут («Дмитрий? Доминик?»). Он отмалчивался, но я видела, что молчание даётся ему всё труднее. Иногда его плечи едва заметно вздрагивали — то ли от смеха, то ли от раздражения. Мне хотелось верить, что от смеха.

К вечеру я дошла до буквы «К».

— Константин? — я сидела на диване, поджав ноги, и смотрела, как он поправляет дрова в камине. — Клим? Кристиан?

— Нет.

— Каспар? Как одного из волхвов? Очень символично.

— Нет.

— Кир? Корнелий? Клавдий?

— Ты знаешь слишком много имён на «К», — заметил он, не оборачиваясь.

— Я читала словарь имён. От скуки. У меня было три дня, когда ты не разрешал выходить на улицу, и я прочитала всё, что нашла в этом доме. Включая медицинский справочник 1952 года и руководство по разведению кроликов. Знаешь, сколько у кроликов сосков? Я теперь знаю.

Он выпрямился и повернулся ко мне. В его глазах была та самая смесь эмоций, которую я уже начинала узнавать. Скепсис, толика восхищения и что-то ещё, глубоко запрятанное.

— Ты невыносима.

— Это комплимент? — я склонила голову к плечу.

— Это диагноз.

— Тогда лечи, — я развела руками. — Лекарство простое: назови своё имя. И я замолчу. На пять минут. Обещаю.

— Всего на пять?

— Ну, может, на десять. Но не больше. Молчать дольше десяти минут вредно для здоровья.

Он покачал головой и направился к двери.

— Ты куда? — я прыгнула с дивана.

— За дровами.

— Я с тобой! Заодно расскажу тебе про букву «Л». Лев, Леонид, Леопольд...

Он остановился в дверях и обернулся. Посмотрел на меня долгим взглядом, в котором читалось что-то среднее между «убейте меня» и «почему я это терплю».

— Леопольд? — переспросил он.

— А что? Кот Леопольд был очень миролюбивым. «Ребята, давайте жить дружно». Мы же с тобой вроде как стараемся жить дружно.

— Мы не стараемся.

— Ну, я стараюсь. Ты — сопротивляешься. Но это тоже часть процесса.

Он вышел на улицу, я — за ним. Вечер был прохладным, но ясным. В небе загорались первые звёзды. Он подошёл к поленнице и начал собирать дрова, а я встала рядом, сунув руки в карманы его же куртки.

— Ладно, — сказала я, — может, я перегнула с алфавитом. Но пойми: мне скучно! У меня нет телефона, нет интернета, нет даже нормального зеркала. Ты — моё единственное развлечение.

— Рад стараться.

— Опять сарказм. Ты делаешь успехи, Бартоломью.

— Я не Бартоломью.

— Тогда кто ты?

Он набрал охапку дров и выпрямился. Посмотрел на меня сверху вниз — в темноте его глаза казались почти чёрными.

— Тебе так важно имя?

— Очень, — сказала я тихо, и шутливая интонация исчезла. — Имя — это... не знаю. Это делает человека настоящим. Не абстрактным «похитителем», не «чудовищем». А кем-то, у кого есть история. Мама, которая дала ему это имя. День рождения. Друзья, которые зовут его сокращённо.

Он долго молчал. Я уже думала, что он снова уйдёт в свой привычный режим молчания, но он вдруг заговорил:

— У меня нет друзей. И день рождения я не отмечаю.

— Почему?

— Потому что это ничего не меняет.

— А мама? Она тебя как-то назвала?

Он отвёл взгляд и пошёл к дому. Я догнала его у крыльца.

— Эй, — я тронула его за рукав. — Извини, если я задела что-то личное. Я не хотела.

— Ничего, — сказал он, не оборачиваясь. — Иди в дом. Холодно.

— Я не замёрзну. У меня своя куртка. И твой свитер. И твои носки. Ты меня экипировал лучше, чем некоторые армии своих солдат.

Он фыркнул. Я услышала это — короткое, сдавленное «хм», — и моё сердце пропустило удар. Это был почти смех. Почти.

— Ты фыркнул! — объявила я. — Это уже не просто сарказм, это почти эмоция. Я запишу это в свой дневник. «День двадцать пятый. Объект фыркнул. Прогресс налицо».

— У тебя нет дневника.

— Я веду его в голове. Он очень подробный. Хочешь, прочитаю тебе записи за прошлую неделю?

— Нет.

— Ну и ладно. Ты всё равно главный герой. Тебе положено быть загадочным и не читать чужих дневников.

Он зашёл в дом и сложил дрова у камина. Я села на диван, подтянула колени к подбородку и стала смотреть, как он разжигает огонь. Движения у него были точные, скупые, без лишней суеи. Он вообще всё делал так — будто каждый жест был заранее продуман.

— Ты служил в спецназе? — спросила я.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что ты двигаешься, как... не знаю. Как человек, который привык всё контролировать. И я видела твой пистолет. У тебя очень профессиональный пистолет.

— Ты разбираешься в пистолетах?

— Нет. Но он выглядит профессионально. Чёрный, блестящий, с кучей деталей. Как в кино.

— Это не показатель.

— Значит, не спецназ? Может, полиция? Или разведка? Ты шпион?

Он сел в кресло и уставился в огонь.

— Я не шпион.

— Жаль. Шпион — это романтично. Ты мог бы быть двойным агентом, и у тебя была бы красивая напарница, которая в конце концов оказалась бы предательницей. А ты бы в неё влюбился. И...

— Ты смотришь слишком много фильмов.

— Я вообще мало смотрю фильмов. Папа считал, что кино развращает молодёжь. Но Лина таскала мне сериалы на флешке. Я смотрела их по ночам, когда все спали.

— И что ты смотрела?

— В основном шпионские триллеры и ромкомы. И то, и другое сейчас кажется до ужаса неправдоподобным.

Он повернул голову и посмотрел на меня.

— А что кажется правдоподобным?

— Вот это, — я обвела рукой комнату. — Зброшенный особняк. Камин. Молчаливый мужчина в маске. Девушка, которая пытается его разговорить. Это очень правдоподобно.

— Не думаю, что это похоже на правду.

— Согласна. Но это происходит. Значит, правда иногда страннее вымысла.

Он снова отвернулся к огню. Я смотрела на его профиль — на то, что было видно над маской. Высокий лоб, прямые брови, светлые глаза, в которых плясали отблески пламени. Он был... красивым. Я это уже поняла. Но дело было не в красоте. Дело было в чём-то другом — в том, как он упрямо отказывался признавать, что между нами что-то изменилось.

— Знаешь, — сказала я задумчиво, — у меня есть теория.

— Поделишься?

— О, ты даже спросил! Я думала, ты просто проигнорируешь. Ладно. Моя теория такая: ты не называешь имя, потому что боишься. Боишься, что, если я узнаю твоё имя, ты станешь для меня настоящим. Не похитителем, не «El Silencioso», а человеком. И тогда твоя броня треснет. И ты не сможешь делать свою работу.

Он замер. Я видела, как напряглись мышцы его шеи, как пальцы сжали подлокотник кресла.

— Это не так, — сказал он.

— Да? Тогда назови имя. Любое. Можешь даже выдумать. Скажи: «Меня зовут Джон». И я отстану.

— Джон, — повторил он. — Ты хочешь, чтобы я назвался Джоном?

— Ну, если тебя действительно зовут Джон — то да. Но что-то мне подсказывает, что ты не Джон.

— Почему?

— Джоны обычно улыбаются. У них открытые лица и рубашки в клетку. Они играют в бейсбол и жарят барбекю по выходным. Ты — не Джон.

Он издал ещё один звук — что-то среднее между смешком и стоном.

— Ты слишком много думаешь о моём имени, — сказал он.

— А ты слишком мало о нём говоришь. Вот и приходится мне думать за двоих.

Он встал с кресла и направился к лестнице.

— Спокойной ночи, — бросил он через плечо.

— Спокойной ночи, Безымянный Похититель. Увидимся завтра. Я как раз дойду до буквы «М». Подготовься морально.

Он исчез на лестнице, а я ещё долго сидела, глядя в огонь и улыбаясь своим мыслям. Он назвал меня по имени — всего один раз, но я запомнила. Теперь моя очередь узнать его.

Глава 26

На следующее утро я проснулась с твёрдой уверенностью, что буква «М» станет судьбоносной.

Он стоял у плиты, как всегда. Омлет, кофе, молчание. Я села за стол и принялась сверлить его взглядом.

— Доброе утро, — сказала я.

— Доброе.

— Сегодня у нас буква «М». — Я сложила руки на столе и наклонилась вперёд. — Максим? Матвей? Михаил? Модест? Марк? Марат?

Он замер. Всего на долю секунды, но я заметила. Рука с лопаткой дрогнула, и омлет перевернулся немного не так, как планировалось.

— Марк, — повторила я медленно, пробуя имя на вкус. — Марк. Коротко. Жёстко. Вылитое твоё имя.

Он не обернулся. Молчал.

— Ты вздрогнул, когда я сказала «Марк», — продолжила я. — Значит, либо это настоящее имя, либо ты боишься, что я приближаюсь к истине. А раз ты боишься — значит, я на правильном пути.

— Ты на правильном пути к тому, чтобы лишиться завтрака, — сказал он, ставя передо мной пустую тарелку.

— Это угроза?

— Это факт.

Я всё же получила омлет, но теперь посматривала на него с новой настойчивостью. Марк. Я прокручивала это имя в голове, примеряла к нему, как платье. Марк, который варит кофе. Марк, который спит на стуле у моей двери. Марк, который спас меня из леса.

Он не подходил под привычные рамки. Не был ни аристократичным, ни слишком простым. Обычное имя. Но в нём было что-то твёрдое, как камень, как скала.

Весь день я маялась этим именем, но больше не произносила его вслух. Я знала: если стану произносить слишком часто, он запрётся ещё сильнее. Нужно было ждать. Дать ему привыкнуть к мысли, что я близка. Что обмануть меня уже не получится.

Ближе к вечеру я сидела у камина с книгой, которую перечитывала в третий раз. Он вошёл — неслышно, как всегда. Сел в своё кресло. Молчал.

— Ты устал, — сказала я, не поднимая глаз от страницы.

— Нормально.

— Ты выглядишь уставшим. Под глазами круги. Ты плохо спал?

— Я плохо сплю всегда.

— Почему?

Он не ответил. Я отложила книгу и посмотрела на него. В полумраке комнаты его глаза казались почти прозрачными, как лёд на весеннем солнце.

— Знаешь, — сказала я тихо, — я ведь правда хочу тебя узнать. Не потому, что это часть плана. Не потому, что я пытаюсь манипулировать. Просто... ты единственный человек рядом и я к тому не привыкла. Вокруг меня всегда было много людей и мне скучно. А еще мне правда интересно. Кто ты. Какой ты. Что у тебя внутри, под этой маской и молчанием.

Он смотрел на огонь. Я видела, как напряжены его плечи, как сжаты пальцы на подлокотнике.

— Внутри, — сказал он наконец, — ничего хорошего.

— Не тебе решать.

— Мне.

— Нет, — я встала и подошла к его креслу. Остановилась в метре, не ближе. — Ты можешь считать себя чудовищем сколько угодно. Но чудовища не спасают пленниц от переохлаждения. Не ночуют на стульях у их дверей. Не отдают свои куртки, когда на улице холодно.

Он поднял голову. Я стояла перед ним, и он смотрел на меня снизу вверх — впервые за всё время. Это было странно: он всегда возвышался надо мной, а сейчас я была выше.

— Ты не знаешь меня, — сказал он.

— Так дай узнать.

— Это неправильно.

— Для кого?

— Для нас обоих.

Я не успела ответить. Он вдруг поднялся — так резко, что я отшатнулась, уперлась спиной в книжный шкаф. Он шагнул ко мне. Вплотную. Его грудь почти касалась моего плеча, голова склонилась, и я почувствовала его дыхание у виска.

Не прикасался, нет. Просто дышал — медленно, глубоко, как зверь, который запоминает добычу.

— Что ты делаешь? — прошептала я, не смея пошевелиться.

Он не ответил. Его нос скользнул по моим волосам — от макушки к плечу, потом обратно. Я чувствовала тепло его тела сквозь ткань его футболки. Чувствовала запах — дым, кофе, что-то горькое и тёплое.

— Запоминаю, — сказал он хрипло.

И отступил. Быстро, как если бы обжёгся.

— Зачем? — спросила я.

Он не ответил. Вышел из комнаты.

А я осталась стоять, прижимая ладонь к груди, где сердце колотилось как бешеное. Он нюхал меня. Его нос в моих волосах. И что-то в этом было такое интимное, такое звериное, что у меня подкосились ноги.

Я опустилась на пол, прислонилась спиной к книжному шкафу и закрыла глаза.

Глупая, глупая Анж. Ты хотела его узнать. Похоже, ты узнаёшь слишком много. И это уже слишком для тебя.

Глава 27

Утром всё изменилось.

Я вошла на кухню, ожидая привычной картины: он у плиты, кофе, завтрак, молчание. Но он сидел за столом, положив перед собой телефон. Чёрный, старый, явно одноразовый. Экран был тёмным, но я сразу поняла: что-то случилось.

— Звонили? — спросила я, опускаясь на табурет.

— Да.

— И?

Он поднял на меня глаза. Под маской я не видела его лица, но взгляд был тяжёлым. Тяжелее, чем обычно.

— Завтра передача.

Я замерла. Сердце пропустило удар, потом забилося где-то в горле.

— Передача? Где? Когда? Меня вернут домой?

— Недалеко отсюда. Утром. Я передам тебя людям заказчика.

— Передашь, — повторила я без всякого выражения. — Значит, конец.

— Конец, — сказал он.

Мы помолчали. Я смотрела на столешницу и чувствовала, как внутри что-то сжимается. Не страх. Не радость от скорого освобождения. Что-то другое — пустое и острое, как осколок стекла.

— А потом? — спросила я.

— Что — потом?

— Что будет со мной потом?

— Ты поедешь домой. К родителям. К жениху. К своей идеальной жизни.

Я подняла голову и посмотрела на него в упор.

— А с тобой что будет? После того, как ты меня передашь?

— Получу деньги. Уйду в другое место. Может, возьму новый заказ.

— И всё?

— А что ты хочешь услышать?

— Не знаю, — я пожала плечами, чувствуя, как к горлу подступает ком. — Может, что ты будешь скучать, что ты меня не забудешь, что я — не просто очередной объект.

Он молчал. Долго. Потом сказал:

— Ты не просто объект.

Этого было достаточно. Слишком много. Я проглотила ком.

День тянулся бесконечно. Мы почти не разговаривали — будто разом все слова закончились и весь смысл говорить. Я сидела у камина и смотрела на огонь, а он ходил по дому, что-то собирал, проверял, упаковывал. Когда стемнело, он сел в кресло рядом и замер.

— Ты боишься завтрашнего дня? — спросила я.

— Нет. А ты?

— Не знаю. Наверное, должна бояться. Но почему-то больше боюсь не того, что меня ждёт. А того, что я больше тебя не увижу.

Он ничего не сказал. Но его рука, лежащая на подлокотнике, чуть сжалась.

Утром мы собрались быстро. Он дал мне свою куртку — ту самую, что я периодически носила. Свитер и штаны я надела те, что он купил, но поверх накинула её. Пахло им. Дымом, кофе, лесом. Я вдыхала этот запах и понимала, что буду помнить его всегда.

Машина стояла у крыльца — его машина, та самая, на которой он вёз меня тогда, в первый день. Я села на заднее сиденье. Он занял место водителя. Завёл мотор.

Мы ехали молча. Дорога петляла между деревьями, потом вынырнула на трассу. Я смотрела в окно на раннее утреннее небо и думала о том, что всё могло быть иначе. В другой жизни. В других обстоятельствах.

— Слушай, — сказала я, не отрывая взгляда от дороги.

— Ммм?

— А может... ты приедешь потом? Ну, когда всё закончится. Когда этот заказ закроется, и ты получишь деньги, и уедешь в другое место... может, ты захочешь однажды приехать ко мне? Как обычный человек. Не похититель. Не чудовище. Просто Марк.

В салоне повисла тишина. Я слышала, как работает двигатель, как шуршат шины по асфальту. Потом он сказал — очень тихо, почти шёпотом:

— Это лишнее.

— И это всё? — мои глаза защипало. — Это всё, что ты можешь сказать?

— Да, — он сжал руль так, что побелели костяшки. — Возвращайся к своей идеальной жизни.

Я отвернулась к окну и моргнула несколько раз, чтобы не заплакать.

Место встречи было пустынным. Старая заправка на окраине леса, давно заброшенная. Два чёрных внедорожника стояли у бетонного здания. Люди — трое, в чёрном, с жёсткими лицами — ждали у машин.

Он заглушил мотор. Вышел. Я осталась сидеть, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

Он открыл мою дверь.

— Выходи, — сказал он.

Я вышла. Посмотрела на людей — они не вызывали доверия. Что-то в их взглядах было не таким. Слишком холодные, слишком равнодушные для тех, кто должен принять «ценный груз».

Я осталась стоять у машины. Он подошёл к ним. Один из мужчин протянул ему чемодан. Он открыл его, проверил деньги, кивнул. Развернулся и пошел ко мне. Я смотрела на него и не верила в то, что больше не вижу его.

— Иди к ним, — сказал он мне.

Я сделала шаг. Потом второй.

И в этот момент я заметила, как один из мужчин положил руку на пояс, туда, где должна быть кобура. Как они переглянулись — коротко, многозначительно. Как двое других начали расходиться в стороны, словно беря меня в полукольцо.

Это было странно. Я знала, что это значит.

И он знал.

Рывок — такой резкий, что я вскрикнула. Его рука обхватила меня за талию, оторвала от земли, швырнула обратно в машину.

— Пригнись! — крикнул он, захлопывая дверь.

Я рухнула на сиденье, закрыв голову руками. Стекло разбилось — пуля прошла в сантиметре от моего виска и впилась в подголовник. Вторая пробила дверь с водительской стороны. Он включил задний ход, развернулся на месте, и мы рванули с такой силой, что меня бросило на пол.

Двигатель выл. Шины визжали. Пули стучали по кузову, как град.

— Ложись! — его голос — резкий, командирский. — Голову не поднимай!

Я лежала на полу, вжавшись в потертый коврик, и чувствовала, как машина виляет, уходя от погони. Стекло сыпалось на меня мелкими осколками. Я зажмурилась и попыталась не дышать.

— Сейчас оторвёмся, — сказал он тише.

И в его голосе не было страха. Только его типичная стальная решимость, с которой он спорил со мной на кухне.

Всё. Выстрелы стихли.

Я открыла глаза.

Лес, небо, мокрая дорога.

И он за рулём.

Мы ехали молча. Долго. Я поднялась с пола, села на сиденье, стряхнула с волос осколки стекла. Руки дрожали. Всё тело дрожало. Но я не плакала.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Да, — я сглотнула.

— Не похоже.

Он свернул на просёлочную дорогу, потом на другую, потом на третью. Запутывал следы. Я смотрела, как он ведёт машину — сосредоточенно, спокойно, словно в нас не стреляли десять минут назад.

— Почему? — спросила я.

— Что?

— Ты сказал, что передашь меня. Получил чемодан. И вдруг зачем ты забрал меня? Это не входило в план.

Он молчал так долго, что я уже думала — не ответит.

— Они не собирались тебя передавать, — сказал он наконец. — Я видел.

— Откуда?

— По глазам. По рукам. Они готовились. Не к приёму — к ликвидации.

— То есть они хотели меня убить?

— Похоже на то.

— А зачем? Я же нужна была живой. Чтобы папа подписал бумаги. Это была месть? Шантаж?

— Не знаю. Может, сделка сорвалась. Может, они получили, что хотели, и ты стала обузой. Может, им просто приказали убрать концы.

— Концы.

Он ничего не сказал. Но его пальцы сжали руль так, что я услышала скрип кожи.

— Ты мог меня отдать, — сказала я тихо. — Взять деньги и уехать. И не ввязываться. Это было бы правильно. С твоей точки зрения.

— Я знаю.

— Но ты не уехал.

— Не уехал.

— Почему?

Он резко повернул руль, и машина съехала с дороги в лесную чащу. Заглушил мотор. Повернулся ко мне.

В его глазах — голубых, прозрачных — была такая ярость и такая боль, что я невольно отшатнулась.

— Потому что ты не должна была здесь оказаться, — сказал он жёстко. — Ты — не объект. Ты — смешная, нелепая, упрямая девчонка. Ты назвала меня чудовищем, а сама раз за разом доказывала, что чудовище — это не я. И я не могу не могу смотреть, как тебя убивают. Это не в правилах. Это вообще ни в какие рамки не лезет.

Он замолчал. Тяжело дышал. Я смотрела на него, чувствуя, как внутри поднимается что-то огромное, почти невыносимое.

— Ты спас меня... опять, — прошептала я.

— Ты не должна чувствовать себя обязанной. Это мое решение. Я нарушил правила. Сейчас я позвоню человеку, которому могу доверять. Мы поедем к нему. Потом нужно найти способ связаться с твоим Дэном и передать тебя ему.

— Это план Б. Мне нравится, — улыбнулась я.

— Ты невыносима.

Он смотрел на меня так, будто видел впервые.

— Ты не боишься? — спросил он. — Тебя могли убить. Мы в лесу, без связи и я пока не понимаю, когда я смогу вернуть тебя домой, не оставив следы. Придется исчезнуть на время. А ты говоришь, что тебе нравится мой план и улыбаешься так, будто в нас только что не стреляли.

— А что ещё? — я пожала плечами. — Дрожать от страха и плакать? Ты этого ожидал? Я - Белинская. У меня есть характер вообще-то. Я уже поняла, что идеальной жизни не существует. И что похитители иногда оказываются не чудовищами. И что человек может узнать тебя за три недели лучше, чем твои родные за всю жизнь. А ещё, что можно не знать человека и даже не видеть его лица, но чувствовать себя в безопасности.

Он отвернулся к окну. Его профиль — жёсткий, резкий, с полускрытым маской лицом — казался высеченным из камня.

— Я не знаю, что будет дальше, — сказал он.

— И я не знаю. Но это не значит, что нужно сдаваться.

Он сидел не шевелясь. О чём-то думал. Потом завёл мотор и двинулся дальше.

— Куда мы едем? — спросила я.

— Подальше от этого места, — сказал он. — А там посмотрим.

Машина вынырнула из леса на пустынное шоссе. Солнце пробивалось сквозь облака — робко, неуверенно, но неумолимо.

Я посмотрела на него — на его руки, сжимающие руль, на его глаза, вглядывающиеся в дорогу, на чёрную ткань, скрывающую его лицо.

— Марк, — сказала я тихо.

Он вздрогнул. Едва заметно.

— Ты не сдаёшься, — сказал он не оборачиваясь и вздохнул.

— Ты вздрогнул когда я перебирала имена на букву «М». Ты вздрогнул на «Марке». Ты перестал дышать на секунду. Ты не стал отрицать. Ты мог бы назваться любым другим именем, но ты не стал. Потому что не умеешь врать.

Он молчал. Потом усмехнулся — коротко, беззвучно.

— Ты слишком наблюдательна, — сказал он.

— Ты слишком плохо скрываешь.

Я откинулась на сиденье, сунула руки в карманы его куртки и посмотрела на небо за окном. Дорога уходила вперёд — пустая, бесконечная.

— Марк, — повторила я ещё раз. Просто чтобы привыкнуть.

Он повернулся ко мне. Откликнулся.

Я угадала.

Теперь он больше не мог отрицать правду. Его имя Марк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.